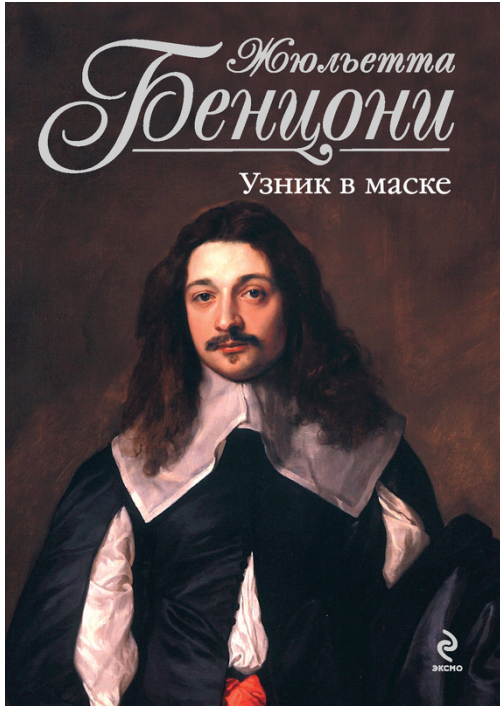

Жюльетта Бенцони
Узник в маске
Серия «Государственные тайны», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129852
Узник в маске: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-10715-0, 5-699-10550-6*

Аннотация

На этих страницах вы вновь встретите героев, знакомых вам по романам «Спальня королевы» и «Король нищих»...

После смерти мужа, убитого на дуэли Франсуа де Бофором, Сильви, герцогиня де Фонсом, удаляется вместе с детьми в родовое имение, но вскоре молодой Людовик XIV назначает ее в свиту своей жены, испанской инфанты. Перед смертью Анна Австрийская открывает Людовику XIV, что он незаконнорожденный. Людовик решает устранить всех, кому это известно. Его отцу, имя которого знает Сильви, предстоит остаток дней гнить в тюрьме, скрывая лицо под маской. Груз государственной тайны тяжел, но в ней – залог счастья Сильви.

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	41
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Жюльетта Бенцони

Узник в маске

*Тайна у меня заперта на большой замок, ключ утерян, и дверь не
отпереть.*

Тысяча и одна ночь

Часть I

Инфанта

Глава 1

Вдовы

«Воля наша и предпочтение состоят в том, чтобы любезная нам госпожа герцогиня де Фонсом была приставлена к нашей будущей супруге инфанте Марии-Терезии в качестве придворной дамы взамен теперешней главной комнатной фрейлины герцогини де Бетюн. Госпожа герцогиня де Фонсом прибудет к нашему двору в Сен-Жан-де-Люз в последние дни мая, дабы участвовать в празднествах по случаю нашего бракосочетания. Людовик, милостью божьей...»

Сильви де Фонсом отложила грамоту с королевским гербом и отпустила доставившего послание мушкетера, которому требовался отдых после дальней дороги: ведь молодой король Людовик XIV, королева-мать Анна Австрийская и весь двор вот уже несколько месяцев не покидали далекий Экс-ан-Прованс.

Письмо чрезвычайно удивило и взволновало Сильви. То, что доставил его не простой курьер, а мушкетер, дворянин, придавало дополнительный вес словам «любезная нам», собственноручно выведенным королем. Внимание молодого монарха, которым он не слишком ее баловал в последние годы, помогало примириться с приказом. Письмо представляло собой, конечно же, вовсе не приглашение, а именно приказ и не предполагало иного ответа, кроме повиновения.

Занятая своими мыслями, Сильви не сразу вспомнила про гостей, заждавшихся ее в одной из гостиных родового замка, что был заново отстроен полтора года назад. Зная, как много значил этот замок для ее мужа, герцогиня сама следила за стройкой. Сперва волшебный карандаш братьев Ле Во изобразил будущее чудо на бумаге; затем на берегу пруда выросло сооружение из розового кирпича. Теперь герцогине казалось, что замок от веку высился здесь, среди густой зелени, под изменчивыми небесами. Неподалеку темнели трепетно сберегаемые развалины древней крепости, вблизи которых, в часовне, покоились останки Фонсомов прошлых поколений и самого Жана де Фонсома, мужа Сильви.

В возрожденном замке отсутствовала пышность, присущая великолепному дворцу Никола Фуке, одного из лучших друзей семьи: здесь властвовали чистота линий, благородные материалы и, главное, свет, много света. Глаз радовали просторные комнаты с приглушенным блеском позолоты, изысканная живопись, шелковистые ковры. Все здесь свидетельствовало о тонком вкусе хозяйки, полностью отвечало духу прежних владельцев и было готово приветствовать новых.

Тот, кому суждено было стать в будущем хозяином этого рукотворного рая, кинулся к герцогине босиком, в одной ночной рубашке. Пыл был так велик, что ему пришлось вцепиться в материнские юбки, чтобы не упасть.

– Мама, мама! К нам приехал мушкетер, правда? Каким ветром его к нам занесло?

– Филипп! – сказала мать недовольно. – Что ты тут делаешь в таком виде? Тебе давно пора спать.

– Знаю. Аббат очень старался меня усыпить своей скучной толстой книгой. Но я все равно услышал лошадиный галоп.

– Значит, ты встал и увидел мушкетера? Острое же у тебя зрение: разглядеть мундир под таким слоем грязи! Ну все, ступай спать.

Не отпуская мать, мальчик поднял на нее ласковые глаза.

– О мама, вы же отлично знаете, что я ни за что не усну, если вы ничего мне не расскажете! Разве я виноват, что любопытен?

– Нет, это скорее моя вина, – ответила Сильви со вздохом. Она ведь тоже живо интересовалась в детстве всем вокруг. – Что ж, держи. – Она дала сыну королевскую грамоту. – Прочти – и марш в кровать!

Но напрасно она надеялась, что мальчик уймется. Его, напротив, охватил неумный восторг. Заплясав на месте, он воскликнул:

– Чудо! Король, двор, балы! Примите мои искренние поздравления, госпожа герцогиня. Мы отправимся в путь, увидим красивые места...

– Ничего вы не увидите, молодой человек! Все останется по-старому, разве что с началом учебного года вы поступите в коллеж Клермон.

Радость мальчика угасла, как огонек свечи, задутый ветром. Грустно потупив взор, он спросил:

– Мы с вами не поедем?

На его огорченное лицо нельзя было смотреть без улыбки. Сильви рассмеялась.

– Разумеется, нет! На свадьбу короля приглашено совсем немного людей. Присутствовать там – огромная честь. О том, чтобы приглашенный привел всю свою родню, не может быть и речи.

– Я вам не просто родня, я ваш сын. А Мари – дочь. Разве из этого ничего не следует? Сильви опустила на колени и привлекла к себе сына, как тот ни упирался.

– Ты совершенно прав, радость моя! Оба вы – мои дорогие дети. Но Мари останется у монахинь до самых каникул, а ты отправишься с аббатом Резини в Конфлан и будешь ждать меня там.

– А господин де Рагнель?

– Его я собираюсь взять с собой. Не хотите же вы, чтобы ваша мать пересекла Францию совсем одна? Но если будете умником, то сможете присутствовать на празднике въезда короля и его королевы в Париж. Это вас устраивает?

У мальчика не нашлось возражений, но он не собирался так быстро складывать оружие. Он долго стоял, безучастный, в материнских объятиях. Наконец произнес тонким голоском:

– Да, как будто устраивает.

Порывисто обхватив мать за шею, он чмокнул ее в щеку и убежал.

Сильви проводила взглядом маленькую фигурку в белой сорочке, пока сын не скрылся за дверью. Она обожала этого ребенка, плод своего греха, ничуть не меньше, чем куколку Мари, уже год воспитывавшуюся в монастыре Визитации. До двенадцати лет над дочерью бились три гувернантки, а до них с бойкой девчонкой воевала верная Жаннета. Одному богу известно, что пережила молодая герцогиня де Фонсом, когда поняла, к каким последствиям привело ее безумие – и неопишное счастье! – в объятиях Франсуа. Того самого

Франсуа, который незадолго до этого убил на дуэли Жана де Фонсома, нежно любимого супруга Сильви...

Она и по сию пору содрогалась от ужаса, вспоминая страшные месяцы, последовавшие за гибелью мужа. Сначала ее охватило невыносимое горе и чувство собственной вины, потом, когда беременность перестала вызывать сомнения, – стыд. Ей казалось, что она сошла с ума. Если бы не бдительность ее крестного, который не оставлял ее с тех пор, как узнал о трагедии в Конфлане, она бы могла наложить на себя руки или причинить вред нежеланному дитяти. Однако с помощью маршала Шомбера Персеваль де Рагнель заставил ее внять голосу рассудка. Вдвоем они уберегли Сильви. Но самые убедительные, пусть и безжалостные слова нашла для нее Мария де Отфор. В памяти Сильви до сих пор звучали ее слова:

«Если не хотите сохранить этого ребенка, отдайте его мне: ведь у меня никогда не будет собственных детей! Только не убивайте! Вы не имеете права!»

«Но есть ли у меня право растить сына моего любовника под славным именем, на которое он не может претендовать?»

«Ваш любовник? Чего стоят несколько минут самозабвения в сравнении с любовью, которая не покидала вас с детства? Любовник... Подойдите к этому иначе. Считайте, что злосчастной дуэли – опять-таки неправильное слово, ведь ваш дом находился в осаде! – вообще не было. Вы все равно забеременели бы. Что бы вы сказали мужу, с которым не виделись уже несколько месяцев?»

«Думаете, меня не гложут эти мысли?» – прошептала Сильви, отводя взгляд.

«Как бы вы поступили? Признались бы или... избавились от злосчастливого плода?»

«Никогда! Призналась бы, даже рискуя все потерять: ведь крошка, плод моего мимолетного безумия, будет мне бесконечно дорог! Вот и попробуйте представить себя на моем месте...»

«Значит, вы понесли заслуженную кару? Лучше оставьте эти покаянные рассуждения господам-янсенистам из Порт-Рояля и вернитесь на грешную землю. Или вы забыли слова Жана, произнесенные перед смертью?»

«Забыть? Ни за что! Он сказал, что будет меня любить и в ином мире...»

«Значит, он вас уже простил. Сдается мне, оттуда, где находится сейчас его душа, ей было бы нестерпимо больно наблюдать, как вы заносите руку, чтобы совершить преступление. Будьте уверены, он предпочел бы, чтобы младенец родился и носил его имя».

«Даже если это будет мальчик?»

«Тем более, если так. Славный род получит продолжение и возвысится еще больше, не уронив традицию Людовика Святого. Или вам хочется превзойти осмотрительностью саму королеву?»

Эти слова стали подтверждением огромного волнения, охватившего Марию, иначе она не позволила бы себе намека на страшную тайну, которой владела вместе с Сильви уже много лет. Тема, разумеется, не получила продолжения. Сильви погрузилась в размышления.

«Итак? – не выдержала Мария. – Вы отдадите мне своего ребенка?»

«Вы это серьезно?»

«Серьезнее не бывает. Какие тут могут быть шутки? У меня хватит сил уговорить мужа...»

«Не сердитесь, – заявила Сильви с неожиданной решительностью, отбросив наконец сомнения и обняв подругу, – но я сохраню его для себя».

«И правильно сделаете!»

Персеваль радостно ее поддержал. Ведь в отцовстве Фонсома мало кто мог бы усомниться. Разве что сам Персеваль, которому Сильви во всем призналась, Мария, а также Пьер де Гансевиль, оруженосец Франсуа де Бофора, да еще преданный старик Мартен, хранитель имения Конфлан, вместе со своей женой... Правда, к ним пришлось бы добавить

принца де Конде с его пристрастием к злословию, но он уехал в Шантийи, когда Корентэн Беллек явился в лагерь Сен-Мар, чтобы призвать Фонсома спасти поместье и жену. Что же до свидетелей дуэли, то это были по большей части иностранные солдаты, не владеющие французским языком. Последнее обстоятельство даже навело Персеваля на мысль изобразить дело так, будто Жан де Фонсом, выходя из дома, наткнулся на столб; увы, свидетелями дуэли все же стали двое-трое офицеров, не усмотревшие, однако, ничего необычного в том, что дворяне, принадлежащие к разным лагерям, скрестили шпаги. Выгораживать Франсуа де Бофора по прозвищу «Король нищих» не пришлось, однако истинная причина дуэли так и осталась почти для всех тайной.

По истечении девяти месяцев молодая вдова произвела на свет мальчика и, едва приняв его на руки, вспылала к нему нежной материнской любовью. Ее решение соблюдать траур вне королевского двора, столь понятное при утрате любимого мужа, не помешало королю довести до ее сведения свое и Анны Австрийской, королевы-матери, желание выступить крестными малютки. В день крестин дитя не только нарекли королевским именем, как и подобает в подобных случаях, но и именем Филипп – по его деду, маршалу Фонсому. Сильви не посмела окрестить сына Жаном, объяснив это тем, что выбор ее супруга не отличался бы от ее.

Крестины в Пале-Рояль стали последним появлением Сильви при дворе. Решив вести отныне отшельнический образ жизни, посвящая себя исключительно детям и вассалам герцогства, она заперла на ключ особняк на улице Кенкампуа. Все последующие годы она жила то в замке вблизи истоков Соммы, то в Конфлане. Там она пересидела безумия Фронды, когда вчерашний враг становился на завтра другом, а принцы люто враждовали, увлекая за собой растерявшихся подданных...

Однако коронование Людовика пропустить было нельзя. 7 июня 1654 года она побывала в Реймсе, где принесла в соборе клятву верности от имени маленького герцога де Фонсома, которому едва исполнилось пять лет. Прием, оказанный ей Людовиком XIV, тронул Сильви почти до слез.

«Разве не жестоко с вашей стороны, герцогиня, так усердно избегать тех, кто вас любит?»

«Единственное, чего я избегаю, – это шума, государь. Хотя теперь, когда волнения позади, радостный шум как нельзя лучше соответствует заре нового царствования, когда двор светится молодостью...»

«Что мешает вам не считать молодой себя? Во всяком случае, не зеркало! Или вы хотите сказать, что я должен отказаться от удовольствия видеть вас рядом с собой?»

«О нет, государь! Как только ваше величество меня призовет, я с готовностью откликнусь. Но, – тут она присела в глубоком реверансе, – время для этого, кажется, еще не настало...»

«Возможно, вы и правы, ибо пока еще не я хозяин положения. Но это время придет, можете не сомневаться».

Сейчас, подбирая королевскую грамоту, оброненную сыном, она думала о том, что время это наконец наступило. Но уверенности в собственных чувствах у нее еще не было. Разумеется, она польщена проявлением верности со стороны юного избалованного монарха, не забывающего, как выяснилось, привязанности детства, но наряду с этим в душу закрадывался страх: ведь она может снова оказаться лицом к лицу с Франсуа де Бофором...

Не кричала ли она ему, рухнув на безжизненное тело мужа: «Я больше никогда вас не увижу!» Во время коронации Людовика XIV этот страх ее не посетил: тогда Бофор еще расплачивался за свое увлечение Фрондой изгнанием, опасности встречи не существовало. На брачной церемонии все сложится по-другому: бунтарь принес покаяние и был милостиво принят при дворе, пусть милость эта и была притворной. Отправится ли он в Сен-Жан-де-

Люз, как того требовал его статус принца крови, пусть и по побочной линии? Посмеет ли вызвать монаршее недовольство, пусть оно и выразится лишь хмуро сведенными бровями? Пока что ответить на этот вопрос не было возможности. Вдруг этот дьявол во плоти сумел победить прежнее предубеждение к себе?

Так или иначе, Сильви с ужасом представляла, как она и Франсуа встретятся взглядами. Не станет же она бродить по дворцу, зажмурившись! Рано или поздно бывшие возлюбленные столкнутся нос к носу... К счастью, у нее еще оставалось время, чтобы подготовиться и не угодить во второй раз в сети прежнего чувства. Она отдавала себе отчет, что под золой траура по-прежнему жив огонь страсти.

Она медленно пересекала самую просторную из комнат, когда до ее ушей донесся взволнованный голос:

– Надеюсь, вы получили хорошие известия? Мы очень за вас беспокоились!

Холеный, элегантный в своем черном бархатном наряде с высоким воротом и венецианскими манжетами, Никола Фуке походил, стоя в золоченом дверном проеме, на портрет кисти Ван Дейка в богатой раме. Сильви схватила его за протянутые к ней руки.

– Не стоит волноваться! Весть скорее хорошая, хоть и противоречит моим прежним намерениям: король желает, чтобы я присоединилась к свите инфанты, когда она станет нашей королевой. Мое место отныне – при дворе в Сен-Жан-де-Люз.

Суперинтендант финансов поднес к губам руки Сильви и радостно воскликнул:

– Восхитительная новость, дорогая! Наконец-то вы займете место, принадлежащее вам по праву. Если откровенно, то довольно вам скрывать свою красоту в провинциальной глуши. К тому же я буду видеть вас гораздо чаще.

– Да, больше вам не придется, пренебрегая занятостью, тратить драгоценное время на путешествия по сельским дорогам. Знали бы вы, как мне дороги эти знаки вашего внимания...

– Я же, напротив, буду видеть вас куда реже, – пожаловалась Мария де Шомбер, стоявшая у высокого камина, обложенного голубым с белыми прожилками итальянским мрамором.

– Отчего же, скажите на милость? Я слишком к вам привязана, чтобы пожертвовать радостью находиться с вами рядом даже ради блеска двора; стоит вам всего лишь...

– Ни слова больше, дорогая! Вы отлично знаете, что мне подавай только Нантей и ваше прелестное жилище, а в Париже я не высовываю носа из любезного моему сердцу монастыря Мадлен. Королеву Анну я больше не люблю, с юным королем едва знакома, а Мазарини всегда гнушалась.

– Теперь он тяжело болен и, говорят, долго не протянет, – заметил Персеваль де Рагнель, рассеянно крутя в пальцах шахматную фигуру, которую Фуке поставил мимо доски.

– Все равно он внушает ужас! Особенно если действительно является супругом особы, которой я была так предана. Что касается новой королевы, то ей уже не суждено тронуть мое сердце. Муж унес его с собой в могилу почти целиком, оставив лишь осколки, которые я дарю редким друзьям. К тому же венчание короля состоится то ли шестого, то ли седьмого июня, а это как раз четырехлетняя годовщина трагического дня, когда Шарль угас у меня на руках...

Мария не могла больше говорить. Сильви растрогалась почти до слез, бранила себя за неосмотрительность, но все же избежала соблазна заключить Марию в объятия или обратиться к ней с утешительными речами, которые все равно оказались бы бесполезны: Мария не любила, когда ей мешали горевать. Одна Сильви понимала всю глубину душевной раны, от которой страдала вдова маршала Шомбера – ее пылко любимый супруг, один из выдающихся полководцев Людовика XIII, угас в возрасте пятидесяти пяти лет из-за многочисленных ранений. Обезумевшая от отчаяния вдова – родись она в Индии, то с радостью бро-

силась бы в погребальный костер, пожирающий тело супруга, – оплакав убитого в церкви Нантей-ле-Одуэн, поспешно подвергла себя заточению в монастыре Мадлен, вблизи деревни Шарон. Заточение продлилось несколько месяцев. Затем Мария переселилась в свой великолепный замок, воздвигнутый некогда на руинах феодальной крепости Анри де Ленонкур. Здесь любил останавливаться по пути в Виллер-Коттре король Франциск I. Замок хранил память о величии и славе Шомберов, хранительницей которой Мария решила стать. Там же она испытала когда-то самые волшебные мгновения, которые ей подарил герой сражений у Леката и Тортозы. Что касается парижской резиденции, в которой Шарль почти не жил, то ее она без колебаний сбывла с рук.

Гордая светловолосая женщина, все еще блиставшая в свои сорок четыре года красотой, которую не портил даже траур, взяла себя в руки. Поднявшись, она обняла подругу и молвила:

– Я счастлива, что заря нового правления взойдет в вашем присутствии. Вы слишком молоды, чтобы принадлежать только прошлому.

– Молода? Бог с вами, Мария: мне скоро исполнится тридцать восемь!

– Я отвечаю за свои слова. Цвету вашего лица, отсутствию морщин и осанке позаиводвала бы любая молоденькая девушка...

– Раз так, вам надо без промедления заняться своими туалетами! – вмешался в разговор Фуке. – Могу предложить непревзойденного портного.

– Король безупречного вкуса не мог не напомнить о себе! – сказала Сильви со смехом. – Мой милый друг, вы же отлично знаете, что я поклялась никогда больше не наряжаться и до конца своих дней не снимать траур.

– По примеру Дианы де Пуатье, которая не снимала траур по своему старому мужу, великому сенешалю Нормандии? Это, правда, не мешало ей открыто состоять в любовницах Генриха II до самой его смерти. Недаром вы выросли в замке Ане! Да и выбор ваш далеко не так плох: с черным, белым, серым и фиолетовым цветами можно творить чудеса. Обратитесь ко мне – и я обещаю вам полный успех!

– Я стремлюсь не к этому. Просто мне не хочется нарушать приличия. Король ценит изящество, но еще больше – чувство меры.

– Вы будете обворожительны, но при этом скромны. Но для этого мне надо срочно попасть в Париж. Пойду скажу моим людям, чтобы готовили экипажи.

– Так скоро?

– Нельзя терять времени. Все парижские портные уже трудятся день и ночь. Увидимся в Конфлане!

– Но...

– Не препятствуйте ему! – перебил Сильви Персеваль, до того хранивший молчание. – Он с радостью окажет вам помощь. На мой вкус, он слишком увлекается роскошью, зато в его дружеской преданности нет ни малейшего сомнения.

Все в замке, только что беспечно дремавшем во влажных и ароматных объятиях апрельской ночи, тут же было перевернуто с ног на голову: Никола Фуке умел устраивать суматоху. Человек острого ума, несравненной щедрости, с огромными средствами, унаследованными от предков и преумноженными выгодным браком – вторым по счету, он был к тому же наделен воистину гениальными способностями: ему удавалось все, за что он брался. Во время Фронды он сохранил верность короне и спас состояние Мазарини; тем и другим он заслужил пост суперинтенданта финансов Франции, генерального прокурора Парижского парламента, титул сеньора Бель-Иля (перекупленный двумя годами раньше у обедневших Гонди) и многие другие титулы и посты. Его замок Сен-Манде, где он взял за правило соби- рать художников и поэтов, был одним из приятнейших мест в столичных пригородах. Поговаривали, правда, что этот маленький рай постепенно приходит в упадок и скоро затмится

новым, построенным Фуке у себя в Во-ле-Виконт, близ Мелуна. Там рос настоящий дворец, хозяин которого собирал все молодые дарования, наличествующие во Франции на ниве архитектуры, живописи, скульптуры, устройства интерьеров и парков, вообще всех существующих искусств.

Эта райская обитель не могла не беспокоить ревнивцев и завистников. Первым среди них был еще один доверенный человек Мазарини по фамилии Кольбер. Выходец из семьи купцов и банкиров из Реймса, этот человек и своим внешним обликом, и внутренним содержанием был полной противоположностью суперинтенданту. Насколько Фуке был гибок, дипломатичен, изящен и утончен, насколько преуспел в мастерстве оболъщения ближних, настолько груб, негибок, невзрачен и неотесан был его недруг Кольбер. Только в двух сферах они могли соперничать на равных: умом и трудолюбием они были друг другу под стать. Между такими людьми не могло не разгореться настоящее противоборство, пусть и на тупых клинках, тем более что хитрец кардинал исподволь науськивал их друг на друга, надеясь таким способом сохранить власть над обоими. Девиз «разделяй и властвуй» как нельзя лучше подходил коварному министру, тоже обогатившемуся сверх всякой меры и косо смотревшему на любимчика судьбы – суперинтенданта.

Персеваль де Рагнель, связанный с семьей Фуке не меньше, чем Сильви, не без опаски наблюдал за роскошной жизнью своего молодого друга, но не торопился делиться опасениями с крестницей. После смерти своего друга Теофраста Ренодо, отошедшего в лучший мир семью годами раньше, он уже не был осведомлен о событиях в Париже и при дворе так подробно, как прежде, однако на протяжении всех перипетий Фронды пристально наблюдал за поведением Мазарини. Кроме того, любопытство Рагнеля удовлетворяли многочисленные и тщательно отобранные друзья. Не довольствуясь одной политикой, он воспылал страстью к ботанике и медицине. На пороге седьмого десятка он превратился в мудреца и, отлично разбираясь в людях, предвидел, что Мазарини рано или поздно предаст Фуке.

Хитрец, пройдоха, тонкий дипломат и прожженный политикан, министр был к тому же неисправимым скрягой, сребролюбом, страдал болезненным тщеславием и завистью, причем с возрастом все сильнее. К этому добавлялась болезнь, медленно разрушавшая былую его неотразимость, от которой в конце концов осталось одно воспоминание. Сам он все отчетливее чувствовал, что у него остается мало времени для наслаждения накопленными богатствами. Фуке был, напротив, молод, красив, пользовался огромным успехом у женщин и уважением у мужчин, а богатством не уступал самым состоятельным соотечественникам. Неудивительно, что он уже отодвигал в тень министра, сумевшего вызвать всеобщее презрение, но еще сохранявшего реальную власть.

То, как Мазарини подталкивает наверх Кольбера, раньше служившего отцу и сыну Леталье, не могло не рождать подозрений, однако самоуверенный Фуке ни о чем не желал слышать. Его герб со стоящей на задних лапках белкой и тщеславным девизом «*Quo non ascendet*»¹ все еще сиял в лучах успеха. В конце концов Персевалью пришлось замолчать, памятуя о том, что противостояние судьбе – напрасный труд.

Со времени смерти Жана де Фонсома он опекал Сильви, рядом с которой находился большую часть времени, и почти не показывался в своем доме на улице Турнель. Там заправляла деловитая Николь, которой помогал Пьеро, превратившийся в рослого, основательного молодого человека. Пользуясь богатой библиотекой герцогов де Фонсомов, Персеваль почти не тосковал по собственным книгам. Крестница и ее дети, к которым он относился как любящий дедушка и которые любили его, как своего родного деда, были, с его точки зрения, наградой, ради которой можно было многим пожертвовать. Кроме того, поселившись у Сильви, он перестал представлять препятствие для брака Жаннеты и Корентэна, носившего

¹ «Куда не подняться».

теперь титул интенданта семейных владений. Персеваля удручало, что у этой пары не рождаются дети, но тем большей была его привязанность к Мари и Филиппу. Все они, включая Марию де Шомбер и семейство Фуке, образовывали вокруг Сильви кольцо любви и внимания, заботясь, чтобы ее жизни больше ничто не угрожало.

Однако королевский указ пробил в этом оборонительном кольце брешь. Оставалось гадать, какие ветры станут там гулять и каких бед наделают.

На следующее утро гости поместья Фонсом разъехались. Королевский мушкетер, звавшийся Бенином Довернем, господином де Сен-Маром, выехал в Экс, а вдова маршала Шомбера вместо того, чтобы вернуться в Антей, отправилась в Ла-Флот, навещать свою захворавшую бабу. Что касается Сильви и Персеваля, то они, оставив разочарованного Филиппа в обществе аббата Резини и Корентэна Беллека, тоже удалились: Сильви – в свой дом в Конфлане, близ Венсенского леса, Персеваль – к себе на улицу Турнель, готовиться к поездке. Жаннета предпочла сопровождать герцогиню.

– Не могу оставить ее беззащитной! – заявила она мужу. – Новый двор вряд ли окажется лучше старого.

– Не придумывай отговорок! Просто тебе хочется стать свидетельницей праздника по случаю бракосочетания короля. Что ж, это вполне естественно, – ответил Корентэн с улыбкой.

– Твоя правда, – отвечала она. – Но все-таки я не люблю, когда мы с ней в разлуке. Мало того, что она да я – молочные сестры; после того, как наших матерей убило это чудовище Лафма – желаю ему вечно корчиться в аду! – наши узы стали воистину нерасторжимыми.

– Полагаю, это называется привязанностью, – пробормотал Корентэн. – Конечно, о мертвых нельзя говорить дурно, но после его исчезновения мне как-то легче дышится!

– Он заслужил свою участь. Такого мучителя должна была рано или поздно настигнуть справедливая кара.

Речь шла о событиях одного зимнего вечера. Слуги Лафма, прозванного «палачом кардинала Ришелье», в испуге прибежали в церковь Сен-Жюльен-ле-Повр, вопя, что к их господину явился сам дьявол, заперся с ним в комнате и подверг нечеловеческим мучениям. К слугам присоединились соседи, решившие провести всю ночь в молитвах; никто не осмелился пойти и взглянуть, что происходит в действительности. Только утром, образовав внушительную толпу, люди решились войти в дом, где застали кошмарную сцену: на кровати, залитой кровью, изогнулся в последней судороге, принимая мучительную смерть, обнаженный труп. Искривленное мукой лицо и вылезшие из орбит глаза выражали безумный ужас. На лбу трупа красовалась красная сургучная печать с греческой буквой омега; все тело было залито уже затвердевшим сургучом, что делало эту смерть еще чудовищнее.

Никто из пришедших не посмел дотронуться до умершего. Вызванные монахи из ордена Милосердных Братьев принесли ведра со святой водой, чтобы обмыть бывшую грозу Парижа и окрестностей. Все в один голос твердили, что негодяй стал жертвой проклятия, хотя в тот же день в час наибольшего скопления народу на Новом мосту некто в черном, в шутовской маске, влез на постамент памятника Генриху IV и объявил, что это он, капитан Кураж, расправился с подлым мучителем женщин. После этого заявления человек в маске запрыгнул на парапет моста, выстрелил себе в голову из пистолета и свалился в Сену...

Персеваль де Рагнель и его приятель, издатель Теофраст Ренодо, попытались с наступлением сумерек выудить из реки тело самоубийцы, своего хорошего друга, но не добились цели и были вынуждены ограничиться церковной мессой.

Перед отъездом из Парижа Сильви нанесла два визита. Сперва она явилась в монастырь на улице Сент-Антуан, где рассказала дочери о том, что приглашена во фрейлины к новой королеве; Мари отнеслась к новости еще более восторженно, чем Филипп. Ей скоро должно было исполниться четырнадцать лет, и она мечтала увидеть свет, королевский двор и

особенно самого короля, в которого были влюблены почти все ее подружки по пансиону. Уже больше года барышни бурно обсуждали роман юного короля и Марии Манчини, племянницы Мазарини, прожившей вместе со своей родной сестрой два года в монастыре Визитации. Девушки оставили о себе яркие воспоминания бурными шалостями и привычкой лить чернила в кропильницы часовни.

Молоденькая итальянка в одночасье превратилась в героиню всего монастыря, а ее роман с королем – в излюбленную тему для сплетен. До воспитанниц дошел слух, что кардинал сослал племянниц в Бруаж. Особенной популярностью пользовалась сцена прощания, во время которой Мария, обескураженная и разгневанная, якобы бросила в лицо Людовику: «Вы король, вы будете плакать, а я уеду». Теперь вовсю заключались пари: покорится ли король судьбе, женившись на инфанте, или, не в силах воспротивиться страсти, женится на любимой?

Мать Мари была приглашена в Сен-Жан-де-Люз – что могло быть почетнее и радостнее для девочки?

– Матушка, обещайте, что станете ежедневно мне писать! Мне необходимо знать обо всем, что там происходит.

– Напрасно ты ждешь каких-то необыкновенных событий! – ответила ей Сильви со смехом. – Наш король собрался осчастливить Францию новой королевой – что ж тут такого?

– Да, но кто это будет – инфанта или Мария Манчини? Многие мои подруги утверждают, что он слишком влюблен, чтобы жениться на другой, и что ему наскучило подчиняться воле старика Мазарини. Он обожает Марию!

– Все вы дурочки и слишком много мечтаете. Старик Мазарини, как ты выражаешься, поклялся отвезти племянницу в Рим, если она продолжит свои посягательства на короля. Пойми же, он делает последнюю ставку на договор, кульминацией которого послужит брак с инфантой. Этот брак положит конец тридцатилетней войне. Если Людовик XIV хочет остаться королем, то он обязан жениться на Марии-Терезии. В противном случае ему придется отказаться от престола в пользу брата.

– Как же вы суровы, матушка! Разве любовь не превышает любых политических соображений?

– Для короля Франции – нет. Впрочем, даю слово писать тебе.

– Каждый день?

– Так часто, как смогу.

– Спасибо! Вы – ангел. Кстати, когда вы намерены забрать меня отсюда? Мне четырнадцать лет, а моя крестная, например, уже в двенадцать была фрейлиной. К тому же...

– К тому же тебе не терпится покинуть эти стены. Берегись: тщеславие – большой грех.

– Я вовсе не тщеславна. Лицемерия во мне тоже нет. Я знаю одно: я не противная.

Сильви вздохнула. Противная? Да ее маленькая Мари очаровательна! Огромные синие глаза, великолепные льняные волосы. Похожая одновременно на мать и на отца, она блистала очарованием. Это не могло не внушать Сильви беспокойства. Ведь дочь, едва появившись при дворе, превратится в объект вожделения. Поэтому она приняла решение, что Мари выйдет в свет только в 15 лет. Дольше эту непредсказуемую непоседу все равно не удалось бы утаивать от посторонних глаз.

Второй свой визит Сильви нанесла в отель Вандом. Она испытывала к герцогине и ее дочери, Элизабет де Немур, большую нежность и, радуясь завершению волнений Фронды, часто появлялась в их просторном жилище в предместье Сент-Оноре.

Появления эти были тем более часты, что опасности встречи с Франсуа уже не существовало. После безумств гражданской войны, за которые он отчасти нес ответственность, человек, прозванный «Королем нищих», был, разумеется, отправлен в ссылку, каковую отбывал в родовых замках Ане и Шенонсо. Ссылка, впрочем, была не слишком обременительна,

так как у изгнанника почти всегда было приятное общество: Гастон Орлеанский, опасный братец покойного короля Людовика XIII, и, главное, дочь Гастона, пылкая Мадемуазель, с беспримерной дерзостью развернувшая в последнем сражении Фронды пушки Бастилии против королевских войск. Лучшей компании Франсуа не нашел бы при всем желании.

Прежние добрые отношения Бофора с отцом, герцогом Сезаром Вандомским, и с братом, Луи де Меркером, были испорчены в 1651 году, когда последний женился с отцовского благословения на Лауре Манчини, старшей из племянниц Мазарини. То, что это был брак по взаимному чувству, в глазах бунтовщика ничего не меняло: он считал его изменой и нестерпимым мезальянсом.

Позднее разразилась трагедия, еще больше отдалившая его от семьи: 30 июля 1652 года Бофор убил на дуэли мужа Элизабет, Шарля-Амадея Савойского, герцога Немурского. Причина дуэли была ничтожной, а виноват в ней был исключительно Шарль-Амадей, не желавший даже слышать о том, что его зять был во время последних судорог Фронды парижским губернатором. Молодой сумасброд все сделал для того, чтобы поставить Бофора к барьеру, даже обозвал его выродком и трусом, а потом настоял, чтобы дуэль велась на пистолетах и завершилась смертью одного из соперников. Пистолеты были избраны не случайно: незадолго до роковой дуэли Шарль-Амадей был ранен в руку и не мог фехтовать.

Соперники сошлись в шесть часов вечера на Лошадином рынке позади садов отеля «Вандом». За поединком наблюдали восемь секундантов (обычно секунданты тоже мерились силами, но дуэль на пистолетах позволяла обойтись без этого). Пуля, выпущенная Немуром, лишь оцарапала Бофора, который вместо того, чтобы ответить выстрелом, стал просить своего «брата» о мире, но тот, не помня себя от ярости, настоял, чтобы противоборство было продолжено на клинках. Несколько мгновений – и Шарль-Амадей получил смертельный укол в грудь. Точно такая же смерть постигла ранее Жана де Фонсома.

Элизабет охватило страшное отчаяние: она обожала мужа, несмотря на то что он изменял ей с редкой последовательностью. Франсуа, чье уныние было под стать унынию сестры, на какое-то время заперся в Шартре. Однако любовь, прежде сплывавшая брата и сестру, теперь осталась в прошлом. Отель «Вандом», где Элизабет нашла убежище вместе с дочерьми, сделался недостижим для невольного убийцы. Напрасно Франсуаза Вандомская, мать Элизабет, Франсуа и Луи, проливали слезы, надеясь примирить своих детей...

Примирения не получилось. Франсуа избегал родню, несмотря на траур, соблюдаемый его старшим братом. В 1657 году угасла за считанные дни прекрасная Лаура, из-за которой в семье впервые пошли раздоры. На руках у безутешного вдовца остались два сына. Луи, убитый горем, укрылся в обители монахов-капуцинов с намерением принять постриг.

Если Бофор и сострадал брату, то виду не показывал. Через некоторое время Меркер стал губернатором Прованса. Он непреклонно защищал интересы короны и подавил бунт в Марселе.

Семья восстанавливала былое величие. Этому способствовала женитьба Луи на племяннице Мазарини, против которой так протестовал Франсуа. Герцог Сезар принял адмиральский чин, о котором так мечтал его младший сын, и с тех пор его не видели в Париже. В отличие от прошлых времен это не было ссылкой: герцог бороздил моря, добывая славу своему королю. Сменить отца на этом славном поприще предстояло Бофору, но для него это было слабым утешением.

Герцогиня Франсуаза, верная себе, наблюдала издали за делами сына и всех своих близких. Несчастливая Элизабет нашла у нее утешение и покой. Обе дамы усердно занимались благотворительностью, хотя у госпожи де Немур не доставало отваги, чтобы следовать за матерью в самые гиблые места, где та, невзирая на свои преклонные лета, продолжала помогать наиболее несчастным и заблудшим душам.

Прибыв в отель «Вандом», Сильви не застала там старую герцогиню. Впрочем, ее отсутствие было вызвано не очередной поездкой по грязным лачугам. От Элизабет гостя узнала, что герцогиня отправилась в Сен-Лазар, к господину Винсену, чье здоровье опасно ухудшилось. Этот утешитель всех обездоленных, даже разбитый параличом, сохранял здравомыслие и присущее ему радостное расположение духа.

Тихие и печальные речи госпожи де Немур резко контрастировали с сотрясавшим дом оглушительным шумом. Можно было подумать, что за стеной устроила концерт целая стая диких кошек.

– Не обращайтесь внимания! – взмолилась смущенная Элизабет. – Это мои дочери. Вот уже неделю они отчаянно враждуют.

Сильви, не осмеливаясь задавать наводящие вопросы, недоуменно приподняла бровь. Элизабет объяснила:

– Обе по уши влюблены в племянника маршала Грамона, юного Антуана Номпара де Комона.² Должна признаться, я совершенно их не понимаю: предмет их воздыханий мал ростом и нехорош собой, хотя очень важен и обладает несокрушимым присутствием духа.

У Сильви промелькнула мысль, что в этой семейке передается по наследству дурной вкус. Сама Элизабет когда-то неровно дышала к аббату Гонди, еще не ставшему кардиналом де Рецем... Однако вслух она произнесла:

– О вкусах не принято спорить, особенно когда речь идет о любви. Но враждовать?! Уж не должен ли их рассудить сам молодой человек?

– Он даже не подозревает о чувствах, которые сумел вызвать. Просто девочки решили, что он будет принадлежать одной из них, и разыгрывают его в кости. Проигравшая должна будет уйти в монастырь. Судьба изменчива, поэтому решение принимается на кулаках. Ситуация плачевная, если учесть, что за старшую, Марию-Жанну-Батисту, сватается молодой человек.

– Как, уже?

– Представьте, ей уже исполнилось шестнадцать! Да и претендент завидный: это наш молодой кузен Шарль-Леопольд, лотарингский наследник.

– Как относится к этому ваша матушка?

– Вы знаете, какая она... Говорит, пускай себе таскают друг дружку за волосы сколько вздумается, только бы глаза не повыцарапали. По ее словам, все это не стоит выеденного яйца, пока Комон не попросил руки одной из них, чего никогда не произойдет. Меня же все это лишает покоя, и я старею буквально день ото дня.

Последние слова Элизабет мало грешили против истины. В свои сорок шесть лет бедная женщина выглядела лет на пятнадцать старше. От прежней пленительной блондинки, полной радости жизни, любимой подруги детства Сильви, не осталось ровно ничего. Конечно, выйдя замуж за Немура, она немало страдала: сначала от безразличия супруга, которого любила, потом от горя, вызванного гибелью друг за другом троих сыновей, наконец, от траура по самому мужу, погибшему от шпаги брата, которого она обожала. Две дочери – вот единственное, что у нее еще оставалось, но и они как будто старались огорчить ее еще больше.

– Встряхнитесь, милая, и позаботьтесь о себе. Я согласна с госпожой де Вандом: дочери выйдут замуж и угомонятся. А вам необходимо обрести прежнее спокойствие.

– Возможно, вы и правы... Итак, вы возвращаетесь ко двору! Вас это радует?

– Меня трогает внимание короля. Что до всего прочего...

– Вы думали о том, что рано или поздно снова повстречаетесь с Франсуа?

² Впоследствии получившего известность под именем Лозена. (Здесь и далее прим. автора.)

Сильви не ожидала услышать это имя, тем более не ожидала, что оно прозвучит так запросто. Сначала она побледнела, потом попыталась изобразить улыбку.

– Я постараюсь не обращать на него внимания...

– Ничего не получится. – Немного помолчав, госпожа де Немур проговорила: – Я сумела простить, Сильви. Вы должны последовать моему примеру.

– Вы так считаете? Возможно, вам это было проще: ведь он ваш брат, и вы так его любили!

Последовала резкая отповедь, которую не смогла смягчить даже вежливость тона, каким она была произнесена:

– Вы любили его еще сильнее! Будьте честны перед собственной совестью, милая: даже выйдя замуж за Фонсома, вы продолжали его любить, не так ли?

Сильви встала и смахнула со щеки слезинку. Она не ждала от Элизабет подобной проныцательности. Последняя, не дождавшись от подруги ответа, продолжила:

– К тому же он в обоих случаях не собирался совершать убийство. Я хорошо знаю, что мой муж принудил его к дуэли, которой он хотел избежать. Что касается вашего мужа, то их поставили друг перед другом со шпагами наголо злодейка-судьба и эта проклятая гражданская война. Остается надеяться, что ваш сын не превратится в мстителя за проигранное дело отца.

– Никто в моем окружении не посмеет заронить ему в голову подобную мысль. Имя вашего брата у нас вообще не упоминается. Филипп верит, что его отец пал в разгар Фронды, вот и все.

– Сколько ему лет?

– Десять.

– Он приближается к возрасту, когда дети начинают докапываться до истины.

– Знаю. Рано или поздно он узнает, от чьей руки пал его отец. Что ж, тогда и задумаемся над этим.

Внезапно стихшие были вопли раздались снова. Госпожа де Немур снова разволновалась.

– Должно же это наконец прекратиться! – вскричала она. – Немедленно распорядись, чтобы обеих фурий отвели к монахам-капуцинам и оставили там до завтра: уж там им придется помалкивать.

Мечась по гостиной, несчастная мать комкала платок, но не предпринимала никаких других действий. У Сильви появилось подозрение, что она боится дочерей.

– Хотите, я с ними потолкую? – предложила она как можно мягче.

– Вы и вправду согласны? – спросила Элизабет с надеждой.

– Что может мне помешать? Но сначала я хочу выяснить, где сейчас находится этот Комон. Уж не предстоит ли им скорая встреча с ним?

– Он – маркиз Пи... Нет, мне этого никогда не произнести! В общем, его называют Пеглен. Что касается встречи, то о ней не может быть и речи: он командует первой ротой молодцов со странными штуковинами, они ни на минуту не отходят от короля. Вы увидите его в Сен-Жан-де-Люз.

Сильви догадалась, что речь идет о личной охране короля, вооруженной бердышами с закорючками на конце. Эти гвардейцы окружали короля в бою, а на церемониях выступали перед ним по двое.

– Как все это странно! – откликнулась она. – Пойду приведу их в чувство.

– Вы без труда их найдете: они живут там, где жили в детстве мы с вами.

Сильви не пришлось полагаться на память: она сразу увидела стайку служанок и гувернанток, сбегавшихся к двери, из-за которой доносился невообразимый шум: две сестрицы вознамерились, как видно, переломать всю мебель.

При приближении Сильви любопытные попятись. Стоило ей открыть дверь – и в нее чуть было не угодила чашка, брошенная сильной рукой. Чашка со звоном разбилась о стену коридора. Взору Сильви предстало невообразимое зрелище: среди осколков, в которые здесь превратилось все бывшее, от цветочных ваз до ночных горшков, среди перевернутой мебели и вспоротых перин старательно душили одна другую две девицы. Они так покраснелись от натуги, так растрепали друг другу волосы и так изорвали одежду, что их немудрено было испугаться. Ледяной голос Сильви стал для них освежающим душем.

– Вот это зрелище! Жаль, что ненаглядный Пеглен не может им полюбоваться. Интересно, что он подумает, когда ему обо всем расскажут?

Драчуни немедленно вскочили – оказалось, что младшая одолела в схватке старшую, – и вытянулись перед неожиданной гостьей. Испуг не мог служить им оправданием. Старшая, Мария-Жанна-Батиста, именуемая мадемуазель де Немур, и младшая, Мария-Жанна-Элизабет, именуемая мадемуазель Амалией, присели в небрежном реверансе и завопили в один голос, не успев отдышаться:

– Госпожа герцогиня де Фонсом! Вы с ним увидите?

– Без всякого сомнения: его величество предложил мне место фрейлины при новой королеве. Завтра утром я отбываю в Сен-Жан-де-Люз. Рассказ о ваших проказах очень позавбавит двор, а также главное заинтересованное лицо.

Не слушая протесты, она принесла из соседней туалетной комнаты два зеркальца и протянула их девушкам.

– Полюбуйтесь на себя! И потрудитесь объяснить, каким образом собираетесь стать от тумачков красивее.

Схватка оставила в целости роскошные рыжие волосы старшей и белокурые локоны младшей, голубые глаза тоже не пострадали, зато лица у обеих донельзя покраснелись. Один взгляд в зеркало оказался полезнее долгих уговоров: обе дружно разрыдались и стали умолять гостью ничего не рассказывать... она знает кому!

– Ладно, обещаю. Но только из привязанности к вашей матушке, – ответила им Сильви, поднимая с пола и пряча игральные кости. – И при одном условии: обещайте мне, что это никогда больше не повторится. Принцесса и та не добьется любви мужчины, бросая кости. Гораздо лучше попытаться ему понравиться.

Оставив девушек одних, чтобы они, приводя себя в порядок, хорошенько поразмыслили над услышанным, Сильви вернулась к Элизабет. Та ждала ее в нетерпении.

– Шум прекратился. Неужели вы одержали победу?

– Как будто да. Надеюсь, теперь вы сможете насладиться покоем. Держите! Я лишила их вредной игрушки. – С этими словами госпожа де Фонсом вручила подруге кости. – Проследите, чтобы они не раздобыли им замену.

Госпожа де Немур прочувственно поблагодарила ее и проводила до дверей. Прежде чем проститься, она спросила:

– Погодите! Наверное, вы теперь поселитесь в Париже?

– Я действительно об этом подумываю. Конечно, так было бы удобнее.

– Тем более что вам уже не придется опасаться тягостного соседства. Мой брат съехал с улицы Кенкампуа и перебрался в небольшой особняк вблизи ворот Ришелье и Пале-Рояль.

– Вот как? В таком случае я распоряжусь, чтобы дом приготовили к моему возвращению. Спасибо за предупреждение, дорогая.

Новость действительно была доброй. Даже отдавая предпочтение Конфлану, Сильви считала, что, находясь в свите королевы, гораздо практичнее жить в парижской резиденции, особенно в зимнее время. Она решила этим же вечером увидеться со своим управляющим и старшим садовником и распорядиться, чтобы подняли рухнувшую стенку в глубине цветника и высадили вдоль нее деревья и высокую живую изгородь, закрывающую вид на сосед-

ний дом. Тогда наслаждение этим изысканным уголком не будет испорчено неуместными воспоминаниями о минувшем...

Видимо, в глубине души Сильви боялась увидеть мысленным взором не столько Франсуа, опустившегося на колени для молитвы, а промелькнувшую как-то летним вечером в пустом доме Бофора госпожу де Монбазон...

Как всякая чувствительная натура, Сильви верила в призраки. Ее память часто тревожил призрак красавицы герцогини, бывшей любовницы Бофора. Началось это с тех пор, как она узнала о смерти госпожи де Монбазон в апреле 1657 года. Смерти при престранных обстоятельствах...

В то время Мария де Монбазон, недавно похоронившая мужа, герцога Эркюля, который по причине восьмидесятишестилетнего возраста не играл в ее жизни никакой роли, одаривала благосклонностью как Бофора, которому время от времени отказывала в свиданиях, так и молодого аббата Жана-Армана Ле Бутилье де Рансе. Он принадлежал к числу «потешных» церковников, которых принято было держать в знатных семьях, где стремились служить не столько богу, сколько церкви, ожидая от нее благодарностей. Аббат де Рансе, прославившийся как игрок, дуэлянт, пьяница, дамский угодник и красавчик, влюбился в красавицу Марию, несмотря на разницу в возрасте. Для нее, как и для Бофора, с которым он иногда охотился, он был удобным соседом: его замок Вerez находился неподалеку от Монбазона и Шенонсо.

В марте названного года госпожа де Монбазон возвращалась в Париж. Старый мост, по которому она проезжала, обвалился, и ее вытащили из-под обломков израненную. Беды на этом не завершились: в Париже она заразилась корью. Болезнь протекала тяжело, и она почувствовала необходимость покаяться в грехах. Злые языки утверждали, что на покаяние не хватило времени и что грехи госпожи де Монбазон так и не были отпущены...

Молодой аббат, узнав о несчастном случае и о болезни любимой, покинул Турень и устремился в Париж, чтобы поставить ее на ноги своей любовью. Измученный долгой скачкой, он достиг под вечер улицы Бетизи, где жила де Монбазон. Дом ее он недолюбливал, потому что именно в нем в Варфоломеевскую ночь был убит адмирал Колиньи. В тот вечер улица показалась ему еще более зловещей, чем обычно.

Двери дома оказались открыты. Падая с ног от утомления, аббат увидел внутри дома силуэты слуг. Где сама герцогиня? В своей спальне – той самой, где он нередко возносился на вершину блаженства. Он побежал, толкнул дверь – и тут же повалился на колени, сраженный ужасным зрелищем. Перед ним стоял открытый гроб, озаренный пламенем больших восковых свечей. В гробу лежало тело без головы. Тело принадлежало Марии. Принадлежавшая ей же голова с закрытыми глазами лежала рядом, на подушке. Реальность или кошмар?.. Несчастный решил, что повредился от волнения рассудком.

Однако он не сошел с ума. Кошмар, представший его взору, имел ужасное, но в то же время простое объяснение. Столяр, доставивший в дом гроб, понял, что просчитался с размером и не учел длину грациозной шеи. Чтобы не повторять дорогой заказ, хирург, препарировавший тело, попросту отсек голову...

В тот вечер из отеля «Монбазон» вышел не прежний аббат де Рансе, а совсем другой человек. Прежний повеса умер, уступив место истово верующему человеку, преследуемому угрызениями совести и стыдом за свою прошлую жизнь. Он вернулся в Турень и распродав имущество, сохранив только жалкое аббатство – несколько полуразрушенных построек на топкой почве. Это аббатство он собирался со временем превратить в самый суровый и аскетический французский монастырь – Нотр-Дам-де-ла-Трап...

Об этой ужасной истории Сильви узнала от герцогини Вандомской, а та слышала подробности от своего сына Франсуа, которого вставший на путь покаяния Рансе навещал в Шенонсо. Семья носила в то время траур по молодой герцогине де Меркер, но горе Бофора

было вдвое горше, и Сильви, сама не отдавая себе в этом отчета, полюбила его за страдания еще сильнее. Ревность заставляла ее ненавидеть Марию де Монбазон: признавая глубину и искренность ее любви к Франсуа, она не могла смириться с тем, что он оплакивает связь, длившуюся целых пятнадцать лет...

Сама она мечтала забыть его как можно быстрее.

Глава 2

Шоколад маршала Грамона

Найти себе угол в Сен-Жан-де-Люз в момент, когда в этот маленький приморский городок одновременно нагрянули король со свитой и семейством, семейства его матушки и кардинала Мазарини, а также добрая часть двора, было равносильно подвигу. Тем не менее Сильви и Персеваль не столкнулись с трудностями, за что были бесконечно благодарны все тому же Никола Фуке. Узнав, что его друзьям предстоит присутствовать на королевском бракосочетании, всесильный суперинтендант финансов отправил курьера к своему другу Эшевери, владельцу нескольких китобойных судов.

Познакомились они прошлой осенью, когда Фуке узнал про намерение Кольбера очернить его в глазах Мазарини. Кольбер составил полное ложных утверждений донесение, а Фуке выяснил содержание фальшивки и немедленно отправился в путь, чтобы перехватить Мазарини на другом конце Франции, опередив Кольбера с его донесением. Мазарини находился с начала лета в Сен-Жан-де-Люз, где обсуждал с испанским посланником доном Луисом де Харо условия Пиренейского договора и готовил брак короля, которому предстояло поставить в договоре последнюю точку. Фуке только-только оправился после болезни, и Мазарини, здоровье которого все стремительнее ухудшалось, оценил отвагу суперинтенданта, так как понимал, что значит совершить насилие над своим немощным телом. Донесение Кольбера не было принято во внимание.

Эта поездка, в которой Фуке рисковал жизнью, оказалась ценна для него еще и тем, что он по достоинству оценил гостеприимство соплеменников Эшевери,³ а также их гордый и в то же время жизнерадостный нрав.

Уезжая из Парижа, Сильви и Персеваль твердо знали, что им приготовлено удобное жилье, которого их не посмеет лишить никакой принц крови или придворный, как бы богат он ни был.

– Это свидетельствует о твердом характере человека, который предоставит нам кров, – заметил шевалье де Рагнель. – Городок наверняка подвергают штурму люди, которым претит ночевка на морском берегу. Воистину широта души Фуке не знает границ!

Погода стояла прекрасная, и путешествие доставило Сильви огромное удовольствие: ведь раньше она не бывала нигде, кроме Вандома, Пикардии и Бель-Иля. Кроме того, одиночество ей не грозило: казалось, что вся знать, все состоятельные люди королевства устремились в одном направлении – к баскскому побережью. В этих условиях даже наиболее негостеприимные земли вроде болот к югу от Бордо не представляли опасности: кареты и одиночные всадники сбивались там в бесконечные караваны. Один день путешественников сопровождали паломники, направлявшиеся в Компостелу, что в испанской Галиции, чтобы помолиться у могилы святого Иакова. Перед въездом в густой лес эти славные люди попросили защиты у тех, кто с комфортом ехал в каретах, под охраной вооруженных слуг.

Для возвращения к обновленному, помолодевшему и повеселевшему двору госпоже де Фонсом как нельзя лучше подходил Сен-Жан-де-Люз. Само место – чудесная бухта у подножия зеленых Пиренеев – вызывало восторг. Ведь там ее ждал столь любимый ею океан – тот самый, что омывал Бель-Иль. Казалось, именно для нее океан сверкает на солнце, вздымается величественными волнами, посылает в лицо насыщенный йодом ветер, заставляя задыхаться от наслаждения. Городок, которому предстояло стать на время столицей королевства, был оживленным и красочным. Среди россыпи ярко раскрашенных деревянных домиков с

³ Из этих «китобоев» вышли впоследствии самые отчаянные баскские корсары.

ажурными балконами выделялись внушительные каменные строения с квадратными башнями, увенчанными чуть заостренными розовыми крышами. Наибольшее внимание привлекала древняя церковь Святого Иоанна Крестителя – суровая, похожая на крепость своими высокими стенами, узкими, как бойницы, окнами и мощной башней-колокольней.

8 мая на площади перед церковью начался карнавал. В этот день под звон колоколов и под пушечные залпы в город въехала золоченая карета короля. Его приветствовали байи и другие отцы города в красных шапочках и мантиях, а танцоры в белых одеждах с разноцветными лентами и бубенчиками пустились в пляс. Главными цветами этой страны были белый, красный и черный, но к ним теперь примешивались синие с золотом мундиры мушкетеров, красные с золотом куртки рейтаров и перья всех цветов радуги на шляпах знатных сеньоров, дам и всех тех, кто мог себе позволить такое украшение. Городок превратился в настоящую выставку шелков, бархата, атласа, тафты, кружев, жемчуга и драгоценных камней. Все это переливалось в непрерывном движении, сияло на солнце. Воздух был наполнен бренчанием гитар и пением скрипок. Кардинал Мазарини постарался на славу: Сен-Жан-де-Люз был полон радости, изящества и молодости. И неудивительно: ведь здесь двадцатилетнему французскому королю предстояло обвенчаться с испанской инфантой.

Карета и фургон госпожи де Фонсом остановились перед домом Эшевери, преодолев толпу, торопившуюся на берег, чтобы полюбоваться морским парадом. Здесь, у дома, было относительно тихо. Судовладелец встретил гостей с отменной учтивостью и проводил их в светлый зал, где в ожидании ужина им были предложены вино и сладости. При этом происходил обмен банальными любезностями, как происходит всегда, когда встречаются незнакомые люди.

Сильви, хрустя марципаном, пыталась определить происхождение незнакомого, но чрезвычайно приятного аромата. Любопытство заставило ее нарушить приличия и обратиться к хозяину дома с такими словами:

– Прошу меня извинить, сударь, но меня интригует этот пленительный запах...

Хозяин с улыбкой ответил:

– Немудрено, что он вам неизвестен: я сам познакомился с ним совсем недавно. Это шоколад – любимый напиток маршала Грамона, который тоже пользуется моим гостеприимством в те дни, когда не считает необходимым отправляться по делам службы в Байонну. Он приучился его пить, когда находился в Испании, где просил от имени короля руки инфанты.

– Шо?..

– Шоколад, герцогиня. Господин маршал теперь жить без него не может. Он привез большую партию и располагает рецептом приготовления.

– А вы сами его пробовали?

– Конечно. Маршал не преминул меня угостить, но, признаться, пока еще не превратил меня в любителя шоколада, подобного ему самому. На мой вкус, напиток чересчур сладок. Впрочем, говорят, он чрезвычайно полезен для здоровья, возвращает силы...

– Кажется, я знаю, о чем речь, – вмешался Рагнель. – Ацтеки называют этот напиток «нектаром богов». Конквистадор Эрнан Кортес привез его из Мексики. Кажется, в тех землях эти крупные бобы используются в качестве денег. Весьма редкий, а значит, дорогой продукт.

– Испанцы уже разбивают по ту сторону Атлантики целые плантации этого растения, однако пока что пить его могут себе позволить разве что короли да гранды. Главные его ценительницы – дамы.

– Из чего следует, – сказала Сильви со смехом, – что бедняга маршал не сможет его пить часто и долго!

– Отнюдь. Ведь наша будущая королева – большая любительница шоколада и запасла его немало. Кроме того, господин де Грамон полон решимости закупить достаточно продукта, чтобы открыть в Байонне «шоколадное заведение», как он сам это называет. Надеюсь,

запах не вызовет у вас неприятных ощущений, герцогиня: он нередко здесь витает. Впрочем, если вы будете возражать, то я готов...

– Не беспокойтесь, в крайнем случае я открою у себя окна. Не создавайте трудностей маршалу. А сейчас, господин Эшевери, позвольте поблагодарить вас за радушный прием. Мне бы хотелось переодеться. Ведь меня ждет аудиенция у их величеств!

– Разумеется, разумеется! Как только будете готовы, слуга вас проводит. Король остановился у Логобиага, а королева-мать – у Харанедера. Оба эти дома – самые красивые в городе.

Спустя час Сильви покинула дом Эшевери в паланкине. На ней было платье из белой тафты с большими черными разводами; его покроем можно было бы назвать рискованным, но столь безупречная фигура подчеркивала элегантность наряда. На голове у Сильви была широкополая бархатная шляпа с белыми перьями.

Прямо у дверей ее внимание привлек видный мушкетер, которого она как будто видела раньше. Он делал вид, что заинтересовался жилищем судовладельца, но при этом проявлял редкую неуклюжесть: ходил быстрым шагом взад-вперед, резко останавливался, озирался и вздыхал. Более неприличное поведение трудно было себе представить. Приглядевшись, Сильви узнала того самого мушкетера, который привез ей королевский указ. На вид ему можно было дать лет тридцать. Сильви хотела было предложить ему помощь, но, побоявшись показаться назойливой, приказала носильщикам не останавливаться.

Совсем скоро она оказалась в красивом зале, залитом солнцем, где располагались придворные королевы Анны. В данный момент они были представлены всего двумя людьми: вездесущей госпожой де Мотвиль, наперсницей и лучшей подругой королевы, и племянницей Марией-Луизой Монпансье-Орлеанской, прозванной Большой Мадемуазель. Прозвище восходило ко внезапно посетившей ее во время Фронды идее развернуть пушки Бастилии против королевских войск, готовых штурмовать Париж. С тех пор ее окружал ореол воительницы. Войдя в роль, она не снимала мужской охотничий костюм и, казалось, была в любую минуту готова вскочить на коня, чтобы от кого-то спастись. Охотничий костюм был, впрочем, неизменно украшен чудными драгоценностями.

Внешне это была крупная особа тридцати трех лет, определенно наделенная отменным здоровьем, обладательница величественной осанки, но, увы, не красоты. Будучи богатейшей женщиной Франции – среди прочего, ей принадлежали княжества Дом и Ла-Рош-сюр-Йон, герцогства Монпансье и Шательро, графство Э, – она потеряла счет претендентам на ее руку, но замуж все не выходила. Женщина добропорядочная, хоть и амазонка, она повторяла, что «любовь существует не для благородных сердец» и что лично она не согласится ни на кого ниже короля. Впрочем, не обладая способностью предугадывать будущее, она упустила английскую корону, отказавшись стать женой будущего Карла II, когда тот еще находился в изгнании.

В действительности все ее мечты были обращены к Людовику XIV; ей и в голову не приходило, что она может ему не понравиться. Мазарини положил конец ее притязаниям, чем и вызвал праведный гнев, желание якшаться с принцами-бунтарями и разворачивать пушки. Дело кончилось ссылкой. Прощена она была уже три года назад, но сперва, отвергнув очередного претендента в женихи – португальского короля (даже ради королевского трона она не пожелала связываться с полоумным паралитиком), уединилась в своем замке Сен-Фаржо. Это добровольное изгнание было прервано королевской женитьбой, заставившей Мадемуазель снова занять принадлежавшее ей место в семье.

Сильви застала ее за оживленной беседой с королевой. Но стоило прозвучать имени гостыи, как она обернулась и превратилась в олицетворение приветливости.

– Госпожа де Фонсом! Какая неожиданность! А мы-то думали, что вы навсегда останетесь у себя в Пикардии!

С этими словами она бросилась навстречу Сильви, протянув руки, словно они были лучшими подругами. Сильви была вынуждена ограничиться легким реверансом. Анна Австрийская ответила за Сильви:

– Королю не перечат, милая племянница. Герцогиню ввели в свиту инфанты, вашей кузины.⁴ Подойдите, дорогая Сильви, позвольте мне вас обнять! Признаться, нам вас очень не доставало, поэтому я встретила решение сына аплодисментами. Больше десяти лет траура – не слишком ли?

– Надо признать, – подхватила Мадемуазель, косясь на наряд Сильви, – что иногда траур бывает к лицу и приносит пользу. Но разве вы до сих пор в трауре?

– Не сомневайтесь, ваше высочество, – ответила Сильви. – Я дала обет никогда больше не надевать ничего яркого.

– Совсем как Диана де Пуатье, обладательница непревзойденного вкуса! Сразу видно, что вы выросли в благородных замках. Я подумаю, не последовать ли вашему примеру.

Сама Мадемуазель носила траур по своему отцу, умершему недавно, 2 февраля, и вынужденно носила вуаль, но для разнообразия пользовалась огромным количеством жемчуга.

– Ваше высочество слишком молоды, чтобы сделать такой выбор. – Сильви хорошо знала о событиях в свете, хотя сама до последнего времени в нем не вращалась, поэтому добавила: – К тому же это не придется по вкусу коронованной особе, которой вы мечтаете рано или поздно понравиться.

Этих слов оказалось достаточно, чтобы завоевать симпатию принцессы. Она тут же обернулась к королеве-матери.

– Желаю, чтобы госпожа де Фонсом сопровождала меня завтра в Фуэнтерабиа, где я собираюсь наблюдать инкогнито за первой стадией бракосочетания инфанты.

– Инкогнито? Но ведь это бессмыслица! Не будучи узнанной, вы не будете допущены в церковь.

– Мы предстанем просто двумя французскими дамами, пришедшими засвидетельствовать почтение своей будущей королеве. По-моему, мысль недурна.

– Более чем недурна! Однако к вам присоединится Мотвиль. Она – мои глаза и уши, к тому же обладает непревзойденной способностью пересказывать увиденное.

– Значит, нас будет трое? Не возражаю.

Появление Мазарини заставило Мадемуазель умолкнуть. Возобновился безмолвный балет реверансов. Кардинал даже не позаботился о том, чтобы о его появлении было заблаговременно объявлено, и вошел к королеве попросту, совсем по-соседски, даже в домашних туфлях. Тем не менее Сильви, не видевшую его уже больше двух лет, больше интересовала не эта подробность, как будто подтверждавшая настойчивые слухи о тайном браке между кардиналом и Анной, а его облик, отмеченный тяжелой болезнью.

Впервые за долгие годы герцогиня не смогла не отдать должное храбрости этого человека, мучимого камнями в почках и жестоким ревматизмом. Ведь уже долгие месяцы он, находясь вдали от дворцовых удобств, вел трудные переговоры с испанскими дипломатами, призванные положить конец бесконечной войне и заключить мир, скрепленный брачным союзом на троне. Неизменно элегантный, ухоженный, источающий аромат благовоний, призванный заглушить зловоние болезни, он тем не менее не был в состоянии сохранить прежнюю осанку и властное выражение лица: страдания давали о себе знать. Только руки, предмет его гордости, сохраняли былую красоту и белизну, да и манеры не пострадали: по оказанному ей приему Сильви, знай она Мазарини похуже, могла бы вообразить, что

⁴ Мария-Терезия приходилась внучкой Генриху IV по линии матери, Елизаветы, жены Филиппа IV Испанского, а Мадемуазель была его же внучкой по отцу, Гастону Орлеанскому, брату Людовика XIII.

ее отсутствие при дворе причиняло бедному кардиналу мучительную боль, конец которой положило ее возвращение.

– Итальянец всегда остается итальянцем, – шепнула ей на ухо Мадемуазель. – Этот в особенности: совершенно неисправим!

Тем временем просторное помещение, в котором совсем недавно царил покой, постепенно заполнялось людьми. Подросли участвовавшие в морских играх принцессы де Конде и де Конти в сопровождении фрейлин. Звуки флейт, барабанный бой и возгласы «виват!» предвещали скорое появление короля.

Скоро в высоких дверях возник и он сам – совершенное сочетание золота и синевы, резко выделяющееся на фоне разноцветных нарядов королевской свиты. Сильви сказала себе, что инфанте повезло: даже не будучи королем Франции, Людовик прослыл бы очень интересным молодым человеком, которого не портил даже небольшой рост. Привычка повелевать проявлялась во всем его облике, сквозила в горделивом взгляде голубых глаз, в царственной посадке головы, в снисходительной уверенности жестов, во всей повадке. Людовик XIV обладал грацией танцора, лишенной даже слабого подобия слащавости. А до чего приятельна была его улыбка! Вряд ли нашлась бы женщина, способная перед ним устоять.

Месье, брат короля, шествовавший с ним почти что бок о бок, разве что самую малость позади, являл разительную противоположность монарху. Даже огромные каблуки не могли исправить главный его недостаток – малый рост; в остальном же и он был хорош собой. Густые темные волосы в завитках и тонкие черты лица выдавали немалую примесь итальянской крови. Нарумяненный, надушенный, увитый лентами, разодетый в пух и прах, он изо всех сил старался соответствовать своей репутации «первого красавца королевства», хотя силой духа мало уступал самому королю. Мазарини сделал Филиппа таким, каким хотел: привил ему чрезмерный интерес к туалетам, страсть к искусству, радостям жизни, всему красивому и изящному. Главная цель кардинала состояла в том, чтобы новый король не столкнулся в лице брата с опасностью, какую представлял для его отца неумный Гастон Орлеанский. Судя по всему, цель была достигнута.

Людовик XIV пребывал в прекрасном настроении: игры развлекали его, заставив забыть – надолго ли? – грусть, владевшую им со времени разрыва с Марией Манчини. Благодаря этому счастливому стечению обстоятельств Сильви была встречена почти что с распростертыми объятиями. Зоркий глаз короля немедленно разглядел ее среди дам, окружавших его мать, и он немедленно направился к ней.

– Какая радость – снова вас видеть, герцогиня! Вы обольстительны, как прежде.

Он подал ей руку, заставив выпрямиться после глубокого реверанса, и прикоснулся к ее пальцам губами, над которыми топорщились тонкие усики. Придворные были удивлены вниманием к герцогине де Фонсом со стороны короля и уже завидовали ей.

– Вы слишком добры ко мне, государь, – ответила Сильви. – Как мне благодарить вас за заботу обо мне?

– Никак, ибо нет ничего естественнее, мадам. Я поставил целью окружить ту, которой суждено стать моей супругой, дамами, к которым я отношусь лучше, чем ко всем остальным, а вы, смею верить, – самый давний мой друг. Подойди-ка, Пеглен!

При звуке этого имени Сильви вздрогнула: перед ней предстал человек, о котором грезили две глупышки Немур. Трудно было понять с первого взгляда, что они в нем нашли. Это был невысокий, довольно-таки блеклый блондин, недурно сложенный, но не слишком красивый. Впрочем, в его облике угадывались незаурядное чувство юмора и дерзость. Последнее подтвердилось незамедлительно.

– Государь, мое имя – Пигильгем. Неужели это так трудно произнести?

– На мой вкус, «Пеглен» звучит не так варварски. К тому же ваши мучения временны: после того, как граф де Лозен, ваш батюшка, отправится на тот свет, вы унаследуете его имя

и титул. А пока позвольте представить вам дорогую мне госпожу герцогиню де Фонсом. Вы очень меня обяжете, если завоюете ее дружеское расположение.

– С радостью сделаю это, государь, – ответил молодой человек, приветствуя Сильви с непревзойденным изяществом и галантностью. – Достаточно взглянуть на герцогиню всего разок, чтобы зажечься желанием ей понравиться.

Произнося эту тираду, он смотрел ей прямо в глаза и так простодушно улыбался, что полностью ее обезоружил.

– Только не сгорите дотла, сударь. Излишнее пламя вредно для дружбы, без которой жизнь теряет почти всю свою прелесть, – предостерегла его Сильви, смеясь. – Впрочем, лично я буду стараться, чтобы мы подружились.

Король проследовал дальше. Сильви и Пеглен обменялись еще несколькими любезными фразами, после чего молодой человек бросился, не скрывая рвения, к весьма красивой даме, беседовавшей с госпожой де Конти. Дама шагнула ему навстречу, и они о чем-то заговорили.

– Кто это? – спросила Сильви у госпожи де Мотвиль, незаметно указывая на пару вее-ром. – Меня интересует женщина.

– Дочь маршала Грамона, Катрин-Шарлотт. Они с господином де Пигильгемом кузены, провели вместе детские годы.

– Они любят друг друга?

– У меня это не вызывает сомнений. К сожалению, Катрин стала несколько недель назад принцессой Монако. Бедняга Пигильгем обладает только звонким именем: он недостаточно богат, чтобы просить ее руки. Но это не мешает ему претендовать на остальные части ее тела...

Представив себе распухшие от слез личики девочек Немур, Сильви со вздохом подумала, что они не выдерживают сравнения с мадемуазель де Грамон и что их несчастной матери предстоит с ними еще немало горя. Правда, в этом возрасте можно запросто влюбиться в кого-нибудь еще. Во всяком случае, для большинства девушек это не составляет труда...

Испытывая сильную усталость после путешествия и не стремясь проводить ночь в развлечениях – на площади намечались народные танцы, в одном из домов играли комедию, а королева устраивала бал, – Сильви без труда получила разрешение удалиться для отдыха, тем более что на следующее утро был намечен ранний выезд в Фуэнтерабаи. Однако, вернувшись к дому Эшевери, она с изумлением встретила там все того же мушкетера де Сен-Мара, проявившего редкую настойчивость. Казалось, он уже пустил корни: стоял, сложив на груди руки, под балконом дома напротив и не сводил глаз с одного из окон, словно надеялся, что, не выдержав его взгляда, оттуда кто-то высунется.

При появлении носилок Сильви он подпрыгнул и попытался скрыться в тени между двумя домами.

– Определенно здесь замешана любовь, – пробормотала госпожа де Фонсом.

Загадка разрешилась без промедления. Сильви, вынужденная принять предложение хозяина дома отужинать, познакомилась с хорошенькой девушкой лет семнадцати.

– Моя дочь Маитена, – коротко представил ее Эшевери.

Девушка присела в изящном реверансе, приветствуя герцогиню. То был прекрасный цветок Страны Басков: смуглая кожа, иссиня-черные волосы, пылающий взор. Она обладала всем необходимым, чтобы вскружить голову любому знатному кавалеру, не говоря уж о скромном мушкетере.

После ужина Сильви завела об этом беседу с Персевалем, не покидавшим дом с момента приезда.

– Я тоже его заметил, – признался он. – И тоже все понял, едва увидел девушку. Этот мушкетер, изображающий соляной столб, поступает как совершенный безумец! Наш хозяин нисколько не похож на папашу, способного позволить неизвестно кому любезничать со своей дочкой.

– Привезя нам королевское послание, Сен-Мар произвел впечатление серьезного человека.

– Вам ли не знать, что любовь превращает в последних олухов даже первых мудрецов? Между прочим, он по-прежнему здесь, – заметил Рагнель, подходя к распахнутому окну, в которое лились дивные ароматы южного вечера и волшебная музыка. – Смотрите, это что-то новенькое!

Перед домом остановил коня и спешил суровый офицер в широкополой шляпе с красным пером. Высекая взглядом искры, он отчитал подчиненного, не скрывая своего гасконского акцента, который так и остался неизжитым, невзирая на долгие годы королевской службы. Лейтенант мушкетеров Д'Артаньян, заменявший капитана, совершенно не стеснялся своего акцента – напротив, он им гордился. Впрочем, акцент не помешал невольным свидетелям выговора уловить его суть: бедному влюбленному, не явившемуся вовремя в королевский караул, было приказано отправляться под арест и ожидать решения своей участи. Сен-Мар бросил с душераздирающим вздохом прощальный взгляд на дом, который был взят им, казалось, под вечную стражу, и побрел прочь, не смея обсуждать приказ.

Д'Артаньян сел в седло, намереваясь сопровождать пленника, но придержал коня, чтобы приветствовать маршала Грамона.

– Как я погляжу, вы исполняете теперь обязанности полицейского, мой друг! – воскликнул тот оживленно. – Или это – долг бдительного пастыря?

– Скорее второе, господин маршал. Я явился препроводить в стадо овцу, слишком склонную отклоняться от общей тропы. И что так влечет ее сюда?

– Если бы вы были знакомы с проживающей здесь особой, то лучше поняли бы чувства бедной овечки. Особа так прелестна, что и святой спятил бы.

– Мои мушкетеры не святые, но им доверена честь охранять короля. Соблазны им запрещены – во всяком случае, когда им положено стоять в карауле.

– Мы с вами – беарнцы и знаем, что такое любовь в наших краях. Кстати, сами вы не подумываете о женитьбе?

– Подумываю, ибо хочу сыновей. Но это дело серьезное и серьезный разговор. Сейчас, увы, я вынужден с вами проститься, господин маршал...

– Не составите ли мне на минутку компанию? Я только что вернулся с Фазаньего острова, из переговорного зала, где не могли обойтись без моего присутствия, и смертельно устал. Надеюсь, чашечка шоколада приведет меня в чувство. Не желаете угоститься?

– Шоко?..

Воспитание уберегло офицера от брезгливой гримасы. На лице появилась улыбка сожаления, достойная целой поэмы. Оправдываясь необходимостью торопиться к королю, он отдал честь, вскочил в седло и прищепил коня. Маршал пожал плечами и вернулся в дом.

Укладываясь спать, Сильви вдыхала загадочный аромат, наполнивший весь дом.

– Нахожу этот запах приятным, но, когда вдыхаешь его слишком долго, к горлу начинает подступать тошнота, – поделилась она наутро с Мадемуазель и госпожой де Мотвиль, направляясь в карете принцессы в Фуэнтерабаи.

– Все дело в привычке. Вы тоже привыкнете, когда будете вдыхать запах шоколада день за днем, – сказала Мадемуазель. – Говорят, наша будущая королева употребляет напиток в ужасающих количествах. Лучше и вам его попробовать: признаться, он совсем неплох.

– Ваше высочество уже пробовали это новшество?

– Стараниями маршала Грамона! Он предлагает вкусить его любому, кто появится поблизости. Вам, по крайней мере, этого не избежать: ведь вы с ним живете под одной крышей.

– Я не против. Но сейчас меня занимает другое: зачем заключать брак по доверенности, когда все уже готово для официальной церемонии?

– Дело в том, что испанская инфанта может покинуть отчье королевство только замужней. Таков закон. А мы уже прибыли.

Фуэнтерабиа, раскинувшаяся на склоне холма среди цветущих садов в окружении древних крепостных укреплений, была прелестным городком. Карета ехала по главной улице, застроенной с обеих сторон домиками с балконами и верандами, в густой толпе любопытных. На главной площади толпа разделилась: одни устремились в церковь Санта-Мария, другие – в старый дворец Карла V, где должна была разместиться невеста. Инкогнито принцессы было быстро разоблачено, и ей вместе со спутницами удалось благодаря этому занять удобные места в церкви. Богатый золотой алтарь показался недостаточно пышным, и придворный церемониймейстер и живописец Диего Веласкес оживил церковь коврами и большими картинами с изображениями святых. Запах ладана был в церкви так силен, что госпожа де Мотвиль несколько раз чихнула, вызвав укоризненные взгляды грандов. Сильви последние сильно удивили, так как при французском дворе она привыкла к пышным одеждам. Здесь же все были одеты в черное. Мужчины облачились в допотопные камзолы, некоторые вырядились в вышедшие невесты когда из моды складчатые воротники-ошейники, а дамы – в тяжелые платья с ниспадающими рукавами. Казалось, что их юбки натянуты на бочки, сплюсненные спереди и сзади, – приспособления, призванные придать фигуре наибольшую бесформенность. Все щеголяло в безвкусных золотых украшениях с необработанными драгоценными камнями: недаром конквистадоры отправляли из Америки целые каравеллы, груженные золотом.

Три француженки вызывали у испанцев не меньше любопытства, однако они старались его скрывать, тем более что Мадемуазель и Сильви носили траур, камеристка королевы тоже отдала предпочтение черному.

Дон Луис де Харо, тот самый, что много месяцев вел трудные переговоры с Мазарини, стоял на хорах и изображал короля Франции. Наконец появилась сама инфанта, поддерживаемая за левую руку отцом. Все присутствующие вытянули шеи.

Рядом с королем Филиппом IV, одетым в серое, с серебристой отделкой, и украсившим свою шляпу огромным бриллиантом, прозванным «Зеркало Португалии», а впоследствии «Странник» – самым крупным из известных бриллиантов, Мария-Терезия выглядела на удивление тускло. На ней было простое платье из белого льна с плохо заметной вышивкой; великолепные светлые волосы, уложенные двумя валиками над ушами, были почти скрыты белым колпаком. Тем не менее сразу бросалось в глаза, до чего она хороша: прекрасный цвет лица, милый круглый ротик и чудесные голубые глаза, нежные и одновременно блестящие. Портили ее разве что маленький рост да плохие зубы.

– Как жаль, что она не вышла росточком! – проговорила госпожа де Мотвиль. – Но король все равно должен остаться доволен...

– Пускай встанет на высокие каблуки, – ответила ей Мадемуазель тоже почти шепотом. – К тому же он сам не великан. Ему ли артачиться?

Вскоре присутствующим стало не на что смотреть: король с дочерью зашли за бархатную занавеску, открытую только со стороны алтаря, за которой епископ Пампелони совершил обряд венчания.

После церемонии француженки вернулись на Фазаний остров, к королеве-матери, которой предстояло после перерыва в целых сорок пять лет вновь увидеться с братом.

– Когда же нам передадут нашу новую правительницу? – воскликнула по пути Сильви, надевшаяся как следует рассмотреть малышку и попытаться представить ее королю-мужу в более выгодном свете.

– Сразу видно, что вы незнакомы с испанским этикетом! – вздохнула Мадемуазель. – Сегодня состоится знакомство семей, на котором из всего двора не будет присутствовать один мой кузен.

На островке, почти целиком занятом павильоном с двумя галереями, ведущими к большому залу, был расстелен длинный красный ковер, разрезанный посередине. Разрез символизировал франко-испанскую границу. Веласкес и здесь позволил себе огромные траты: зал тоже походил на выставку живописи. Оба двора уже собрались на своих половинах и соблюдали тишину. Наконец испанский король и королева-мать подошли с противоположных сторон к разрезу на ковре. Предполагались церемонные объятия, но Анна Австрийская, расчувствовавшись, попыталась расцеловать брата. Тому пришлось поспешно откинуть голову. Вслед за тем оба уселись в кресла и повели разговор; инфанта присела на подушку и почти утонула в своих юбках.

Людовик XIV, гарцевавший на лошади все это время на французской половине острова, мучился нетерпением. В конце концов, не выдержав, он подошел к дверям зала и осведомился, не впустят ли «чужака» внутрь.

Королева-мать, одарив своего собеседника улыбкой, попросила Мазарини разрешить просителю оглядеть зал. Луис де Харо позволил королю приоткрыть дверь пошире, так чтобы свежее испеченные супруги смогли друг друга увидеть. Тем не менее переступить порог Людовику не дали. Филипп IV кашлянул и произнес:

– Хороший зять! Скоро будем нянчить внуков.

Впрочем, когда Анна с улыбкой спросила у инфанты, что об этом думает она, Филипп грубо бросил:

– Еще не время!

Молодой принц, брат инфанты, с хохотом осведомился:

– Что скажете об этой двери?

Девушка покраснела, но тоже выдавила смешок.

– Дверь кажется мне красивой и любезной, – выпалила она.

На том все и завершилось. Обменявшись ледяными любезностями, будущая родня разошлась. Король Испании увел дочь.

– Сомневаюсь, чтобы он решился отдать ее нам! – проворчала Мадемуазель.

– Подождем два дня, – ответила госпожа де Мотвиль, зная все подробности церемониала.

– Все это попросту смешно! Правильно поступил кузен Бофор, что не приехал на эту свадьбу. Он слишком презрительно относится к испанцам и наверняка сорвался бы и учинил скандал.

– И записал бы на свой счет очередную глупую выходку, – высказался Мазарини, слышавший обмен репликами. – Предвидя это, я постарался, чтобы его не приглашали.

– Король внял вам?

– Охотно. Как наверняка известно вашему высочеству, король не слишком жалуется этого хлопотного господина.

Мадемуазель ответила на этот выпад со всей цветистостью, отличавшей ее речь. Сильви испытывала противоречивые чувства: с одной стороны, презрение, с которым Мазарини отзывался о кузене короля, не могло не вызвать у нее возмущение, но с другой – для нее стало облегчением узнать, что ей действительно не грозит опасность столкнуться с Бофором на улочках Сен-Жан-де-Люз. Ей требовалось время, чтобы собраться с духом и спокойно

отнестись к встрече с человеком, которого она поклялась больше не встречать. Достаточно и того, что при одном упоминании о нем у нее учащенно забилося сердце.

Эти мысли занимали ее до самого возвращения в гостеприимный дом судовладельца. Простившись с Мадемуазель и наведавшись в церковь для краткой молитвы, она решила проделать остаток пути пешком, наслаждаясь царящим вокруг оживлением. Внезапно к ней обратился мужчина, не сразу узнанный ею из-за своего штатского облачения.

– Умоляю, герцогиня, простите мне мою дерзость! Я посмел вас остановить, поскольку только вы способны спасти мне жизнь.

Она с любопытством изучала его покрасневшее лицо.

– Ни за что не догадалась бы, что вы при смерти, господин де Сен-Мар. Напротив, вы просто пышете здоровьем!

– Только не насмехайтесь надо мной! Я и без того совершенно несчастен.

– И рискуете усугубить свои несчастья, если будете замечены в городе. Разве вас не посадили под арест? Или вы уже вышли на свободу?

– Увы, нет! Я знаю, что страшно рискую, но просто не мог не попытаться найти человека, который проявил бы ко мне сострадание и помог. Мне нужно передать записку для девушки, живущей в вашем доме.

– Правильнее сказать, это я живу в ее доме, вернее, в доме ее отца. Боюсь, я окажу гостеприимному хозяину дурную услугу, если соглашусь передать вашу записку. Почему бы вам не обратиться к слугам? Чаше всего их сообщничество удастся купить за небольшие деньги.

Серые глаза мушкетера выражали непритворную боль.

– Я беден, госпожа, у меня нет ничего, кроме жалованья. Если бы не это прискорбное обстоятельство, я обошелся бы без чужой помощи, а просто нанес бы Манешу Эшевери визит и попросил руку его дочери. Сами понимаете, такого бедняка, как я, он после первых же слов выбросит за дверь. А ведь я безумно влюблен в Маитену. Кажется, и она относится ко мне благосклонно.

– Очень хочу вам верить, друг мой, – ответила ему Сильви без прежней суровости, – но при сложившихся обстоятельствах не могу не задать вам вопрос, в чем, собственно, заключаются ваши намерения, раз о женитьбе не может идти речи?

– Поверьте, я и не помышляю обречь ее на бесчестье! В этой записке, – он вытащил из перчатки сложенную бумажку, – я признаюсь ей в любви и умоляю, чтобы она не соглашалась стать женой другого, а дождалась, пока я разбогатею. Я совершенно уверен, что в один прекрасный день сделаюсь весьма богат...

– На это уйдет немало времени. Вы уверены, что она сумеет вас дождаться?

– Возможно, ожидание окажется недолгим, ибо я полон планов. Когда состоишь на службе у молодого и решительного короля, удача буквально просится в руки. Умоляю вас, госпожа, передайте ей записку! Я буду благословлять вас до смертного одра.

Он выглядел таким несчастным и таким искренним, что Сильви ослабила сопротивление. Однако ее возражения еще не иссякли.

– Так ли это срочно? Не могли бы вы дождаться встречи с ней, попробовать какую-нибудь другую возможность?

– Лучшей возможности, чем эта, уже не представится. Что до срочности, то она крайне велика, так как отец уже строит планы ее замужества, а мне надо торопиться обратно на гауптвахту. Я должен оставаться под арестом до послезавтра, до самого приезда королевы...

– Хорошо, вы меня убедили. Давайте свою записку. Постараюсь передать так, чтобы не скомпрометировать себя. Пожалуй, я просуну под дверь, когда буду уверена, что девушка у себя.

– О госпожа герцогиня! Не знаю, как выразить мою благо...

– Не стоит благодарности. Но не смейте больше появляться!

Вернувшись, Сильви наткнулась на Персеваля, ожидавшего ее в обществе маршала Грамона. Оба, разумеется, лакомились шоколадом. Старый солдат и дипломат – в действительности ему было всего 56 лет, но на вид можно было дать гораздо больше – был рад возможности засвидетельствовать свое почтение вдове одного из самых блистательных своих соратников по оружию, а главное – внучке старого однополчанина, маршала-герцога де Фонсома, учившего его азам ратного мастерства.

– Когда ваш сын сможет носить оружие, я был бы счастлив, если бы вы доверили его моим заботам. А пока окажите мне честь, считайте своим преданным другом. Жаль, что мы не познакомились раньше, но вы предпочитали жить вдали от двора, мне тоже часто приходится отсутствовать: то войны, то Байонна. Лишь изредка я оказываюсь в своем замке Бидаш, хотя он совсем недалеко отсюда. Я был бы счастлив принять вас у себя в ближайшие дни.

Сильви быстро убедилась, что, заговорив, Грамон не скоро замолкал. Объяснялось это, видимо, свойственной южанам словоохотливостью. Это был истинный беарнец – сухопарый, седеющий, остролицый, носатый, быстроглазый, обладатель жестких торчащих усов, которые делали бы его похожим на разъяренного кота, если бы не любовь к шутке, благодушие и склонность окружать заботой друзей. Он бесконечно гордился своим происхождением и всякому напоминал, что его отец был последним вице-королем Наварры, а бабка – знаменитой Коризандой д'Андуэн, первой возлюбленной Генриха IV.

В этот раз он, впрочем, не стал об этом распространяться, а придал своим речам галантное направление и быстро довел до сведения госпожи де Фонсом, что она – женщина в его вкусе. Сильви была несколько ошеломлена этим натиском, зато Персеваль веселился от души. В конце концов он сумел обуздать поток маршальского красноречия и осведомился у крестницы, не желает ли она попробовать «напиток богов». Сильви охотно согласилась.

Маршал поспешил налить ей своего нектару, сопроводив процедуру подробным описанием способа его приготовления, а также того волшебного мгновения, когда Грамон, сам впервые его вкусив, понял, что перед ним «распахнулись врата рая». Сильви еще не была готова с ним согласиться: она признала, что жидкая ароматная кашка с корицей не вызывает у нее отвращения, однако кажется ей чересчур сладкой и тяжеловатой для желудка. С откровенностью, легко объясняемой опасением утонуть в шоколаде при всякой последующей встрече с маршалом, она призналась в своем отношении к напитку.

– Как мне представляется, – заключила она, – он должен быстро надоедать.

– Ничего подобного! Первая проба не обязательно дает правильное представление, поэтому следует продолжать. Во всяком случае, вы, любезная герцогиня, попросту обречены на то, чтобы привыкнуть к шоколаду, и весьма скоро: наша новая королева пьет его весь день, а ведь вы предназначены ей в комнатные фрейлины...

– Если меня не будут заставлять его поглощать, я как-нибудь выдержу.

У себя в комнате Сильви стала размышлять, как бы лучше передать записку, доверенную ей беднягой Сен-Маром. Она уже сожалела, что согласилась ее взять. Дочь Эшевери была сдержанна и чересчур горда, и Сильви плохо себе представляла, как она будет подсовывать записку ей под дверь. Вдруг дверь несвоевременно откроется? Что делать тогда – заговорщически улыбаться?

Она пребывала в таком сильном замешательстве, что не осмелилась обсудить эту тему с Жаннетой, появившейся с выглаженным платьем. После ужина она сказала уставшей и улеглась, оставив Жаннету прогуливаться в обществе пожилой гувернантки. Правда, пролежав совсем недолго, она встала и стала прислушиваться, не скрипнет ли дверь в спальню девушки. Убедившись, что та находится у себя, она подбежала босиком к ее двери, сунула записку в щель внизу и поспешно вернулась. Сердце колотилось у нее в груди так сильно,

словно она только что избежала страшной опасности. Только в своей комнате она перевела дух и засмеялась.

«Кажется, я становлюсь старой чудачкой, – подумала она. – Такие игры – в моем возрасте! Если бы меня увидела Мари...»

Сон никак не шел, поэтому она зажгла свечу и села писать пространное письмо дочери.

Напрасно она надеялась, что больше ей не придется заниматься любовными делами мушкетера. Утром, узнав, что Персеваль и Грамон едут в Байонну, она соблазнилась великолепной погодой и решила прогуляться пешком по берегу океана, навевавшего ей столько воспоминаний. Выходя из дома, она столкнулась с Маитеной, которая, накинув на голову вуаль и прихватив молитвенник, куда-то торопилась – не иначе к мессе. Девушка извинилась и посторонилась, давая Сильви пройти, но при этом умудрилась сунуть ей в руку записочку. Отойдя на приличное расстояние, Сильви развернула ее и прочла:

«Умоляю, госпожа, приходите в часовню Милосердных Братьев...»

Сильви отказалась от мысли прогуляться. Она еще раньше заметила вблизи церкви приют для паломников, держащих путь на Компостелу вдоль морского берега, и сейчас, повернув туда, размышляла, правильно ли выбрано место для встречи: ведь сейчас приют переполнен людьми – как паломниками, так и просто бродягами, ожидавшими королевской свадьбы и сопровождающей ее раздачи обильной милостыни.

В часовне горели бесчисленные свечи, сотни голосов произносили молитвы. Маитена стояла на коленях чуть в стороне от остальных молящихся, рядом с баптистерием. Преклонив колено с ней рядом, плечо к плечу, Сильви прошептала:

– Для чего вы меня звали?

Маитена подняла на нее свои прекрасные карие глаза, полные слез.

– Я знаю, что поступаю дерзко, герцогиня, и тысячу раз прошу вас простить меня за то, что посмела к вам обратиться. Просто вчера вечером, получив письмо, я подумала: вдруг вы согласитесь помочь нам еще раз? Вы проявили столько доброты...

– Как вы догадались, что письмо передала я?

– Я видела, как вы беседовали с ним у церкви. О герцогиня, умоляю, передайте ему, что я не могу выполнить все его просьбы. Да, я готова его ждать, если потребуется – даже в монастыре Гаспарен, куда грозит заточить меня отец, если я откажусь выйти за кузена, которого он прочит мне в мужья. Только пусть проявит терпение! Я никак не смогу встретиться с ним в вечер бракосочетания короля в том самом месте, где мы уже много раз встречались.

– Почему он вас туда зовет?

– Чтобы скрепить кровью обещание, которое мы друг другу даем. Он говорит, что это придаст ему отваги, что он преодолеет любые препятствия, завоевывая меня, но прежде хочет быть во мне уверен. Мне бы очень хотелось туда пойти, но я знаю, что не смогу: отец слишком пристально за мной следит.

Сильви помнила о старой средневековой традиции – смешивать кровь, создавая неразрывные узы, но возраст научил ее трезвому отношению к силе первого любовного порыва.

– Глупости! – пробормотала она, пряча улыбку. – Риска так сильно, вы ничего не прибавите к своей любви, если она и так сильна и искренна.

– Полностью с вами согласна, но надо еще внушить это ему. Прошу, попытайтесь хоть вы его вразумить!

– Он останется на гауптвахте до завтрашнего вечера, до самого прибытия инфанты. Тогда господину Д'Артаньяну потребуются все мушкетеры до одного. У меня нет возможности его увидеть.

– Понимаю. Но встреча должна произойти только послезавтра. Видите, у вас нашлось бы время.

– Вы полагаете? Как только инфанта прибудет, я не смогу отойти от нее ни на шаг.

Сильви трудно было себе представить, как она, пренебрегая обязанностями фрейлины, кинется на поиски какого-то мушкетера, чтобы, найдя, беседовать с ним наедине. Тем временем Маитена заплакала и прошептала:

– Умоляю вас, госпожа, помогите мне! Попробуйте хотя бы передать ему вот эту записку. Я завернула вместе с ней платок, окропленный моей кровью. Надеюсь, этого ему будет довольно.

Внимая этому расстроенному дитяти, трудно было не растрогаться. Сильви забрала у девушки сверток и взяла ее за руку.

– Я что-нибудь придумаю. Даю слово, придумаю! А вы тем временем постарайтесь успокоиться. Раз вам предстоит такая долгая борьба, то спокойствие не помешает...

– Я еще немного помолюсь здесь. Конечно, я буду молиться за нас, а еще за вас. Благодарю от всего сердца, герцогиня!

Подшло время расстаться. Осенив себя крестным знаменем, Сильви поднялась с колен и направилась к выходу. По пути она оставила милостыню в копилке монахов, содержащих приют. Если она не увидит Сен-Мара вечером следующего дня, то поручит его поиски Персевалу. Главное – чтобы несчастный влюбленный получил бесценную передачу до наступления времени, на которое назначил любимой встречу.

Настал долгожданный момент – передача испанской инфанты Франции. Накануне произошла наконец встреча двух королей, во время которой они поклялись друг другу в дружбе и верности и подписали договор, положивший конец войне, длившейся невесть сколько времени. В тот день в павильоне переговоров в последний раз сошлись парижский и мадридский дворы: суровые, мрачные испанцы в черных бархатных одеяниях испытывали глухое презрение к французам в кричащих нарядах, разукрашенных перьями и драгоценностями. Радость обретенного наконец мира была омрачена сценой разлуки двух людей – отца и дочери, любивших друг друга, но знавших, что им больше не суждено свидеться. Инфанта заливалась слезами, ее отец, раздавленный горем, не мог шелохнуться.

Сильви не присутствовала при этой душераздирающей сцене и не видела, как Анна Австрийская пытается утешить будущую невестку, демонстрируя сострадание и понимание. Вместе с другими дамами, предназначенными для свиты Марии-Терезии, она ждала в покоях королевы-матери церемонии представления. В отсутствие герцогини де Бетюн, которая, захворав, не смогла покинуть Париж, Сильви впервые должна была исполнять роль придворной дамы, ответственной за одевание королевы, которую некогда с таким блеском исполняла Мария де Отфор. Сильви испытывала сильное беспокойство, как актриса-дебютантка перед первым своим выходом на сцену.

Призвав на подмогу фрейлину, герцогиню де Навай, и двух «девушек» – мадемуазель де Ла Мот-Отанкур и дю Фуйю, она занялась спальней, в которой инфанте предстояло провести первую свою ночь на французской территории (и последнюю девичью ночь). В стараниях придать комнате как можно больший уют помогла взаимная симпатия, сразу же возникшая между ней и фрейлиной. Сюзанна де Бодеан была ровесницей Сильви: ей тоже исполнилось 35 лет; пробыв женой Филиппа де Навае уже 9 лет и родив сына, она осталась полной энергии откровенной молодой женщиной, любезной с теми, кто был ей по душе, и суровой с прочими, в целом же приветливой, хотя, возможно, и излишне строгой по части морали.

Муж Сюзанны, близкий родственник герцога де Грамона, служил во флоте и часто уходил в дальние плаванья с эскадрами герцога Вандомского. Сюзанна заботилась о безупречности своей частной жизни и не одобряла распушенность своих современников. Собрав поутру батальон девушек-придворных, она обратилась к ним с короткой речью. Девушки слышали, что им доверено служить добродетельной и мудрой особе, выросшей в благородном Эскуриале, а посему пусть не рассчитывают на снисхождение в случае, если не выпол-

нят своих обязанностей или, того хуже, поступят честию. Нарушительницу будет ждать немедленное изгнание без учета заслуг ее родни. Недаром мадам де Навай приходилась кузиной будущей мадам де Ментенон, известной воспитательнице слабого пола, и росла вместе с ней.

Недовольное выражение молодых лиц свидетельствовало, что подобная программа не может вызвать энтузиазма. Оставшись вдвоем с фрейлиной, Сильви спросила, уверена ли та, что суперинтендантка королевы будет неизменно поддерживать выносимые ею приговоры.

– Я не собираюсь на нее оглядываться. Принцессу Палатин⁵ интересует не должность, а титул. Должность она получила в результате длительной борьбы благодаря Мазарини: король помнит о ее неблагонадежности во время Фронды. Будет странно, если она продержится долго. Чем она занята, скажем, в данный момент, почему не приглядывает за всем, как того требует ее должность? Потому что возлежит без дела на подушках в кабинете королевы-матери и твердит, что погибает от жары! Слишком знатная особа, чтобы чего-то от нее требовать, – закончила госпожа де Навай с безжалостной улыбкой.

– Зато она поразительно красива! – заметила Сильви.

– До сих пор? Раньше она действительно была хороша. В ее романах можно было запутаться. Скажем, тот, с реймским архиепископом: то-то все разводили руками! Хорош пример для девушек из свиты королевы...

С наступлением темноты город запылал огнями. Во всех окнах стояли зажженные подсвечники, над всеми дверями зажглись фонари, сотни рук высоко несли факелы, в небо взмывали фейерверки. В десять часов вечера в город въехала королевская карета в сопровождении нескончаемой конной кавалькады – всех придворных короля. Месье скакал у правой дверцы, Мадемуазель – у левой. В глубине кареты сидела инфанта, «вся в серебре и злате». Она усиленно выгибала спину, стараясь походить на мадонну с соборной иконы. Толпы приветствовали ее радостными возгласами, она в ответ робко водила рукой и, как продолжают хроникеры, «улыбалась улыбкой неуверенности», совершенно не соответствовавшей энтузиазму, который вызывала у желающих видеть ее людей.

При приближении кареты к дому королевы-матери, где Марии-Терезии предстояло провести первую свою ночь на земле Франции, дамы ее будущей свиты дружно бросились к окнам, махая платочками. Среди мушкетеров эскорта Сильви узнала Сен-Мара, а в толпе разглядела Персеваля, который с наслаждением уподоблялся окружающим его зевакам.

Наконец инфанта, подав руку Анне Австрийской, вошла в безмолвные покои, предоставленные ей на совсем короткий отрезок времени. Вблизи было заметно, что она много плакала, хотя сейчас старалась не ударить в грязь лицом.

При виде этого безутешного дитяти в тяжелом атласном платье, расшитом золотом, которое служило ей не столько украшением, сколько каркасом, без которого она не устояла бы на ногах, Сильви испытала приступ жалости и симпатии. На нежном личике инфанты была запечатлена безбрежная покорность судьбе. Королева-мать занялась тем временем представлением: первой была названа суперинтендантка, второй – главная фрейлина. Наконец Анна Австрийская произнесла по-испански:

– Герцогиня де Фонсом! Вы с ней подружитесь, моя девочка. Это она обучила короля игре на гитаре, и теперь он отменно владеет этим инструментом. Она служит нашей короне с пятнадцатилетнего возраста, отличается прямоотой и решительностью. К тому же прекрасно говорит на нашем языке...

⁵ Не путать со второй женой Месье. Анна де Гонзага де Невер приходилась сестрой Марии Гонзага, из-за которой потерял голову – в переносном и прямом смысле – молодой маркиз де Сен-Мар и которая стала потом королевой Польши. Именно из-за титула Анна вышла замуж за баварского курфюрста Палатина; ко времени повествования овдовела.

Нежные голубые глаза инфанты, до того такие грустные, радостно вспыхнули. Выслушав протокольное приветствие, которое Сильви произнесла на безупречном кастильском языке, девушка ответила, что искренне надеется на дружеские и доверительные отношения с герцогиней.

Когда же дело дошло до представления прочих дам, выяснилось невероятное: дочь француженки не говорила на языке своей матери! Увы, никто при французском дворе, за исключением королевы-матери, мадам де Мотвиль, самой Сильви и, к счастью, короля, не владел благородным наречием Сида.

«Что ж, – подумала Сильви, ничуть не обескураженная, – надо будет заняться ее обучением».

Тем временем Марию-Терезию ввели в спальню, где уже хозяйничала ее испанская камеристка, смуглая высохшая Молина, а также дочь Молины и устрашающая карлица в невероятном одеянии, откликавшаяся на имя «Чика» и жестоко трепавшая все, что попадало ей в руки. Инфанте требовался покой; пока Молина осматривала сундуки, прибывшие из Испании, француженки смогли освободить девушку от ее бесчисленных юбок и тяжелого головного убора с перьями. Без всей этой сбруи инфанта оказалась гибкой и изящной, достойной всяческого восхищения обладательницей прекрасных, от природы выющихся светлых волос.

– Как же повезло нашему королю, госпожа! – тихо сказала ей Сильви и удостоилась в благодарность за свои слова милой улыбки.

Удачливый король выслушивал тем временем выговор от своей матушки-королевы за то, что высказал желание вступить в супружеские права в первую же ночь. Затем пристыженный монарх, обе королевы и Месье приступили к ужину. Мария-Терезия вышла к трапезе в легком батистовом платье, обильно украшенном кружевами и лентами, и небрежно причесанной, чем вызвала у своего супруга снисходительную улыбку.

Оставив венценосное семейство спокойно насыщаться, Сильви возвратилась в спальню, чтобы совместно с госпожой де Навай привести ее в порядок. Их встретила взволнованная Молина, сообщившая о пропаже шкатулки с драгоценностями.

– Вы уверены? – спросила Сильви.

– Совершенно! При снаряжении повозки, до сих пор находящейся внизу, я сама положила туда три маленькие шкатулки. А сюда принесли всего две...

– Ничего, принесут и третью.

– Нет, я проверяла. Повозка уже полностью разгружена.

– Кто занимался разгрузкой?

– Большие сундуки носили слуги, коробки – двое солдат.

– Надо бы поставить в известность госпожу суперинтендантку, – сказала госпожа де Навай. – Впрочем, она уже отправилась на ужин к кардиналу. Придется самой заняться. Сейчас я вызову слуг. Госпожа де Фонсом, не спуститесь ли вы вниз? Любопытно узнать, что там происходит.

– Охотно.

Перед домом двое придворных королевы-матери тщательно обыскивали пустую повозку. За их трудами с безразличным видом наблюдал кучер. Толпа, собравшаяся было поглазеть на разгрузку роскошного багажа, уже разошлась, но около двери вели оживленную беседу два мушкетера.

– Если не ошибаюсь, вы – капитан Д'Артаньян? – спросила Сильви у одного из них, приблизившись.

– Всего лишь лейтенант, госпожа, – ответил он, отдавая честь.

– Не объясните ли мне, что здесь происходит? Я – герцогиня де Фонсом из свиты новой королевы.

– Кажется, дело приняло серьезный оборот, герцогиня. Желая сделать честь инфанте, король повелел, чтобы этой ночью двери дома охраняли мои мушкетеры. Повозки встречал караул из двух моих молодцов: господина де Лессака – вот он, и господина де Сен-Мара.

– Сен-Мар?

– Вы его знаете?

– Не очень хорошо. Прошу вас, продолжайте.

Д'Артаньян рассказал, что после прибытия повозок, испанское сопровождение которых осталось у ворот города, слуги принялись таскать кожаные сундуки, тогда как багаж с печатями испанского королевства был распоряжением интенданта королевы-матери доверен караульным, то есть мушкетерам. Лессак и Сен-Мар подняли наверх по одной коробке каждый, причем пока один ходил, другой дожидался его внизу. Спустившись, господин де Лессак не нашел ни последней коробки, ни Сен-Мара.

– Неужели вы полагаете, что он мог?.. Ведь он – дворянин и солдат! – возмутилась Сильви.

– Знаю, и мне тоже вовсе не доставляет удовольствия его подозревать, но...

– Зачем ему это добро? Если господин де Сен-Мар оставил свой пост, то, наверное, по какой-то очень важной причине. Вам не хуже моего известно, как сильно его влечет к дому господина Эшевери, где проживаю и я.

– Отлично известно. Но, на его беду, его видели.

– Видели, как он схватил коробку и скрылся с ней?

– Именно.

– Кто это говорит?

– Видите двоих моих людей? Они стерегут паломника из приюта. Он и видел, как Сен-Мар побежал в сторону моря.

Ошеломленная Сильви пыталась сообразить, что все это могло означать. Свидание Сен-Мара и Маитены должно было состояться только следующим вечером, поэтому у Сен-Мара не было ни малейших причин... А если?..

Она вспомнила удрученный шепот молодого мушкетера: «Я беден. Если бы не это приискорбное обстоятельство, я обошелся бы без чужой помощи, а просто нанес бы Манешу Эшевери визит и попросил руку его дочери». На душе у нее стало нехорошо. Неужели бедняга не сумел воспротивиться соблазну, каковой представляли для него драгоценности инфанты? В конце концов, она плохо знала этого человека и могла только гадать, куда его может завести необузданная страсть. И все же внутренний голос подсказывал ей, что он не мог совершить подобную низость. Слишком искренен и прям был взгляд Сен-Мара! К тому же Маитена была слишком горда, чтобы выстроить свое счастье на зыбкой почве банальной кражи, тем более совершенной таким глупым способом, на глазах у зевак! Темнота темнотой, но бежать с коробкой под мышкой и воображать, что тебя никто не заметит, – непостижимая наивность.

Оказалось, что она размышляет вслух, потому что Д'Артаньян подхватил:

– Очень хотел бы с вами согласиться. Кажется, я хорошо знаю своих подчиненных, но где уследить, что творится в голове у влюбленного юноши! Если бы не этот свидетель...

– Можно мне с ним побеседовать?

– Разумеется. Пойдемте.

Паломник, не снимавший огромную мятую шляпу из фетра, украшенную по традиции ракушками святого Иакова, сразу не понравился Сильви. Несмотря на стрижку богомольца, елейный вид и смиренную речь, он производил неприятное впечатление. Слишком ревностно он повторил свое обвинение: якобы он видел мушкетера, который слез с повозки с коробкой в руках, а потом вместо того, чтобы войти в дом, оглянулся, словно желая убедиться, что за ним никто не наблюдает, и со всех ног бросился в темноту, к берегу океана.

– Как же он не заметил вас? – удивленно осведомилась Сильви.

– Я стоял в тени вон той часовенки. Когда он побежал, я не поверил своим глазам. Но ничего не поделаешь: правда есть правда... Несмотря на свой великолепный мундир, этот человек – простой воришка.

– Вас удовлетворяет его рассказ, капитан, простите, лейтенант?

Прежде чем задать этот вопрос Д'Артаньяну, Сильви отвела его в сторонку. Он пожал плечами.

– Признаться, не совсем, госпожа графиня. Но не обращать внимания на его слова у меня нет оснований. К тому же мне трудно представить себе причину, по которой какой-то паломник станет развлекаться, водя нас за нос. Да и Сен-Мара я, по правде говоря, не успел толком изучить.

– Вы собираетесь отпустить паломника на все четыре стороны?

– Боюсь, у меня нет другого выбора. Божий человек! Инфанта придет в ужас, если мы причиним вред кому-нибудь из этой братии.

Взяв офицера за рукав, Сильви отвела его еще дальше.

– Не могли бы вы по крайней мере...

Она умолкла на полуслове. Персеваль де Рагнель и герцог де Грамон спокойно пересекали площадь, где готовились к представлению танцоры-испанцы. Оставив мушкетера, Сильви, подобрав юбки, бросилась к Рагнелю.

– Прошу меня извинить, господин маршал, но мне надо срочно переговорить с вашим спутником. Придется мне вас разлучить.

Маршал, который оживился при приближении Сильви, не скрыл огорчения.

– Я, наоборот, надеялся, что вы к нам присоединитесь... Мы шли на ужин к Мадемуазель.

– Поверьте, я удручена не меньше вас, но мое дело не терпит отлагательства.

Персеваль слишком хорошо знал Сильви, чтобы не прислушаться к ее словам. Учтиво извинившись перед маршалом, он поспешил за ней. Объяснив ему в нескольких словах, что произошло, она указала на паломника, которого как раз в этот момент отпускала восвояси стража.

– Надо за ним проследить! Кажется, он лжет.

– Можете на меня рассчитывать.

С этими словами Персеваль поспешил следом за паломником. Сильви поторопилась обратно в дом королевы-матери. Ей непременно нужно было присутствовать при отходе инфанты ко сну, и она успела увидеть, как Людовик XIV церемонно прикладывает к ручке Марии-Терезии, прежде чем удалиться к себе. За время ее отсутствия госпожа де Навай сумела при поддержке Мотвиль успокоить Молину и убедить ее, что лучше не портить инфанте первую ночь во Франции историей о краже. Лишь только инфанта коснулась головой подушки, Сильви присела в реверансе, хотя инфанта не могла ее видеть, и поспешила назад в дом Эшевери, не обращая внимания на праздник, устроенный на площади. Она должна была во что бы то ни стало увидеться с Маитеной.

Несмотря на поздний час, повсюду в доме горел свет и витал сильный запах шоколада: видимо, напиток готовили к возвращению маршала. В большой гостиной она застала сильный беспорядок: перевернутые кресла, разбитая посуда. Впрочем, хозяин дома, Манеш Эшевери, не обращал внимания на этот разгром. Он сидел перед камином, сгорбившись и упершись локтями в колени, и с яростным видом пыхтел трубкой, не сводя взгляда с пламени. При появлении Сильви он даже не соизволил встать. Одно это свидетельствовало о расстройстве духа.

– Вы еще не спите? – спросила Сильви тихо.

– Попробуйте уснуть в этом обезумевшем городе! Инфанте очень повезет, если она сумеет сомкнуть глаза.

– Все равно надо попытаться. А я хотела побеседовать с вашей дочерью... Может быть, она тоже до сих пор на ногах?

– Ее вообще нет!

У Сильви упало сердце. Она тут же представила себе худшее: бегство двоих влюбленных со шкатулкой, полной драгоценностей! Тем не менее, задавая следующий вопрос, она старалась не разволновать огорченного отца еще больше:

– Наверное, она задержалась на празднике? Пошла посмотреть на танцоров? Это так естественно.

Эшевери резко встал и обернулся. Сильви поняла, что он с трудом сдерживает ярость и готов грубо оборвать ее, вместо того чтобы отвечать на вопросы.

– Нет, она направилась в монастырь.

– Судя по обстановке в этой гостиной, прощание было бурным...

– Могу я узнать, госпожа герцогиня, почему вы так живо интересуетесь делами моей дочери?

– Я прониклась истинной симпатией к гордой и красивой девушке. Впрочем, если вам так больше нравится, давайте играть в открытую: она действительно ушла в монастырь или...

– Хотите знать, не удрала ли она с безумцем, набросившимся на меня с требованием отдать дочь ему и с обвинениями, будто я спрятал ее с намерением выдать замуж за кузена? Это какой-то бред!

– Влюбленные часто бредят. Значит, здесь побывал господин де Сен-Мар?

– Да. Этот молодчик словно с цепи сорвался! Кричал, что его слишком поздно предупредили, что он искал ее повсюду, даже у вас и у маршала, где он чуть не устроил пожар, опрокинув печку, на которой слуга-испанец готовил это адское варево! Потом удрал неведомо куда... Как я благодарен Небу за то, что оно надоумило меня этим вечером отправить дочь подальше! Пусть этот безумец проваливается ко всем чертям!

– Давно он ушел?

– Правильнее сказать, удрал... За несколько минут до вашего прихода.

– Значит, я не ошиблась! – воскликнула Сильви, торжествуя. – Его заманили в ловушку. Не мог же он одновременно учинить разгром у вас в гостиной и сбежать с драгоценностями инфанты! Остается узнать, где он находится сейчас. У меня уже есть кое-какие соображения...

– Не желаете объяснить, о чем, собственно, речь?

– Объяснение заняло бы слишком много времени. Если хотите, можете составить мне компанию. Только сперва дайте мне одну минуту. – Состояние ее атласных туфель требовало срочного переобувания.

С последним Жаннета справилась играючи. Ей хотелось сопровождать госпожу, но та не позволила, приказав остаться дома. По прошествии минуты, как и было обещано, Сильви уже торопилась в обществе судовладельца в сторону приюта. По дороге она посвятила своего спутника в курс дела, после чего спросила, в чем предстал перед ним Сен-Мар: не в голубом ли мушкетерском мундире? Ответ был отрицательным. Услышав от Эшевери реплику, что у него нет никаких причин помогать человеку, вызывающему у него только презрение, Сильви пожала плечами.

– Есть, и самые убедительные. Во-первых, такой славный человек, как вы, обязан уважать право ближнего на справедливость. Во-вторых, ваш собственный интерес состоит в том, чтобы этот бедняга, единственное прегрешение которого заключается в том, что он полюбил девушку из богатой семьи, сам, будучи бедняком, смог продолжить свою карьеру.

Пройдет всего несколько дней – и он по долгу службы покинет ваш город, после чего вы, наверное, никогда больше его не увидите. Сами знаете, как часто гибнут воины на королевской службе...

– В этом они не отличаются от моряков. Китобойный промысел – самое опасное для жизни ремесло на свете. Мне хочется, чтобы мой зять был с ним знаком.

Сильви подмывало спросить, не означает ли это, что он желает будущему зятю быстрой гибели, однако ей помешало появление Персеваля, вышедшего из тени квадратной башенки.

– Вы подоспели вовремя, – сказал он тихо. – Я не знал, что мне делать дальше...

– Вы стали свидетелем каких-то событий?

– Еще спрашиваете! Ваш паломник – будем называть его так – спокойно вернулся в приют, но чутье подсказало мне, что надо немного подождать. Я не ошибся. Как выяснилось, бракосочетание королей доставляет монахам-августинцам немало хлопот. Примерно четверть часа назад сюда пришли трое, поддерживавшие четвертого. Правильнее будет сказать, что они его несли. Они проникли в приют, хоть и не без трудностей: брат, карауливший дверь, упрекнул их в нечестивом желании проводить время за пределами приюта, каковое желание охватывает этим вечером слишком многих богомольцев. Троица ответила, что четвертый – их товарищ, зачем-то сунувший нетрезвую голову в ручей... Готов поклясться, что лжепияница – это Сен-Мар.

– Отлично! Продлите свое бдение еще немного, милый крестный, а я тем временем...

– Что вы задумали?

– Отыскать Д'Артаньяна! Я буду просить его получить от короля разрешение на обыск в приюте.

– Король не допустит святотатства!

– Очень в этом сомневаюсь, учитывая, что здесь находят убежище не только смиренные паломники, но и драгоценности его супруги. Но сперва поглядим, как отнесется к этому сам Д'Артаньян.

Найти лейтенанта оказалось нетрудно. Он по-прежнему находился в доме королевы, словно не находил в себе сил с ней расстаться. Он внимательно выслушал Сильви и ее спутника, сурово сдвинув брови и не произнеся ни слова. Когда рассказ был окончен, он позвал четверых мушкетеров.

– Вы пойдете со мной в приют, господа.

– А как же разрешение короля? – удивилась Сильви. Лейтенант бросил на нее выразительный взгляд и ответил с задорной улыбкой:

– Когда речь идет о моем подчиненном, я лично сунусь хоть в пекло, ни у кого не испросив дозволения. Если надо будет, я предстану потом перед его величеством и понесу наказание.

– Вы рискуете карьерой!

– Возможно. А что делать? Если вы правы, то нам лучше поторопиться, иначе злоумышленники, прикидывающиеся паломниками, перейдут на заре испанскую границу. Вы исчерпали свои возражения?

– Видит бог, да! Разве что одно уточнение: если король призовет вас к ответу, я пойду на его суд вместе с вами.

– Что ж, я не против. Каких только чудес я не видывал!

Спустя считанные минуты сторож у ворот старого монастыря снова услышал колокольчик, а вслед за тем – требование «именем короля» встречи с отцом-настоятелем. Дверь была отперта без промедления. Следом за офицером в нее вошли четверо вооруженных мушкетеров и дама. Судовладелец остался снаружи, оказавшись чрезмерно богобоязненным человеком.

Если дверь была открыта без промедления, то убедить настоятеля позволить солдатам короля провести в его обители обыск оказалось очень нелегким делом.

– Мне хорошо известно, что не все скитающиеся именем божьим святы, но уже то, что они пустились в долгий путь к могиле святого Иакова, заставляет нас заботиться об их спокойствии и защите. Я отказываюсь! Только с разрешения моего епископа...

– На это у меня нет времени, – отвечал Д'Артаньян. – К тому же у меня и в мыслях нет кому-то досаждать. Мы будем действовать осторожно. Полагаю, в часовне никто не ночует?

– Нет, хотя во время службы мы приглашаем паломников присоединяться к нам, а там и до утренней мессы рукой подать...

– А там и рассвет. Бегите спокойно со своей добычей, воришки! Вы только вникните, святой отец: речь идет о драгоценностях инфанты, которая станет сегодня нашей королевой! Тут недалеко и до оскорбления величества... Если вы пойдете мне навстречу, мы снимем плащи и шляпы и разделимся. Мои мушкетеры знают своего товарища, госпожа герцогиня де Фонсом, представляющая инфанту, – тоже. Не будем же медлить, ваше преподобие! Как насчет разрешения?

– С чего вы взяли, что ваш подчиненный – не сообщник воров? Ведь его видели убегающим со шкатулкой в руках...

– Нет, это был другой человек, переодевшийся в нашу форму. Сначала он вдрызг напоил беднягу и заставил согласиться на переодевание. Так мы приступаем? Берегитесь, в случае вашего отказа я обращусь к королю с просьбой о закрытии вашего богоугодного заведения.

– Что ж, поступайте, как знаете, но если вы ничего не найдете...

– Я всегда держу ответ за свои поступки.

Но ответ держать не пришлось: искомое было успешно обнаружено. Найдены были и Сен-Мар без плаща, все еще находившийся под воздействием снадобья, которое влили в него силой, и четверо воров, мирно спавших в ожидании часа, когда можно будет преспокойно смешаться с толпой и удрать из города. Добыча была разделена на четыре части и лежала в корзинах этих «паломников». Последние оправдывались, пытаясь свалить вину на Сен-Мара: они утверждали, что кражу совершил он, им же предстояло только переправить драгоценности в Испанию, где они легко нашли бы покупателя в лице какого-нибудь еврея из Бургоса.

– Так вот почему вы его опоили, захватив у дома Эшевери? – насмешливо спросил Д'Артаньян.

– Дом Эшевери?.. – растерялся толстяк, валивший все на мушкетера. – Нет, мы ни при чем. Мы ждали его на берегу. Он прибежал прямо к нам...

– Без плаща? Что-то не верится. Неужели он собрался дезертировать, убежать с вами, все бросить, отказаться от чести и всего остального?

– Он хотел жениться на девушке из богатой семьи и нуждался в деньгах. С ней он обо всем договорился: она должна была убежать вместе с ним. Зачем ему было за ней идти?

– Тем не менее он за ней пошел, – вмешалась Сильви. – Манеш Эшевери засвидетельствует, что он все перевернул у него дома вверх дном.

Толстяк хитро усмехнулся.

– Вдруг он и с ним сговорился? Мы-то оставались на берегу...

– А он не ходил к Эшевери?

– Нет, не ходил. Не успел бы, к тому же это было бы слишком рискованно.

– А это что? – спросила Сильви, указывая пальцем на бурое жирное пятно на замшевом камзоле мушкетера. – Шоколад – тот, который он опрокинул в жилище маршала Грамона! Эшевери покажет то же самое.

– Можете не волноваться, госпожа герцогиня, – молвил Д'Артаньян. – Шоколад – хорошая улика, как и крепкий сон бедняги, которого эти злодеи наверняка бросили бы на позор и на королевский суд, а сами сбежали в Испанию. Дальнейшие подробности прояснятся позже, когда за этих людишек примется палач, которому будет поручено вытянуть из них правду... Увести их! А этого недотепу препроводить в наше расположение.

– Его ждет суровое наказание?

– Разве он не покинул свой пост? Ему оказали доверие, а он... Да еще расстался с плащом, чтобы его отсутствие было обнаружено не сразу! Он познакомится с военной тюрьмой, а дальше я позабочусь, чтобы он вернулся в семью мушкетеров. Вообще-то он хороший солдат, храбрец! Я за него заступлюсь, так и быть. Но пусть знает, что его спасительница – вы.

На следующий день Сильви получила от Сен-Мара записку:

«Я знаю, госпожа герцогиня, как вы старались ради меня. Знаю, что спасением своей жизни и чести я обязан вам одной. Отныне то и другое принадлежит только вам. Можете распорядиться ими, когда вам потребуется...»

– Бедный юноша! – прошептала Сильви, поднося его письмо к пламени свечи. – На что мне его жизнь, не говоря о чести? Быстрее бы обо всем этом забыть!

Но Персеваль схватил листок, уже начавший обугливаться, и загасил огонь каблуком.

– Такие письма не уничтожают, Сильви. Их, напротив, бережно хранят. Ведь вы не знаете, что сулит будущее вам и ему.

– Что ж, сохраните его, если желаете, – сказала Сильви со вздохом. – А мне пора наряжать инфанту к свадебной мессе.

По прошествии нескольких часов Мария-Терезия, выглядевшая восхитительной в первом своем французском туалете – платье из белого атласа, усеянном лилиями, с длинным шлейфом из пурпурного бархата, прикрепленным к плечам, – направилась к церкви. Посередине шлейф поддерживали младшие сестры Мадемуазель, а край несла принцесса де Кариньяно. Для того чтобы на густых волосах новобрачной, вымытых с необыкновенной тщательностью, удержалась корона, потребовались усилия двух дам и парикмахера.

Под приветственные крики и оглушительный колокольный звон пешая процессия приближалась к церкви, не обращая внимания на безжалостное солнце, от которого не спасали разноцветные зонтики. Первым шествовал принц де Конде, за ним ковылял Мазарини во внушительной пурпурной мантии, с унизанными драгоценными кольцами пальцами. Третьим вышагивал король в золотом камзоле с черным кружевом, без единого лишнего украшения. За ним шла новобрачная; справа ее охранял Месье, слева – господин де Бернавиль, определенный ей в рыцари. За этой троицей семенила счастливая королева-мать, а за ней – Мадемуазель, прикрывшая свои бесчисленные жемчуга черной вуалью. Шлейфы всех этих дам, хоть и уступали по длине шлейфу новобрачной, все же создавали неудобство в прекрасной церкви со скульптурным позолоченным алтарем, где звучал великолепный хор местных певчих, заполнивших все три ряда высоких галерей.

Сильви, помнившая, каким было супружество Людовика XIII и Анны Австрийской, от чистого сердца молила бога, чтобы эта молодая пара обрела счастье, которого определенно заслуживала, но которое так редко доводится познать венценосным особам. Улыбка Людовика, глядевшего на свою молодую жену, а главное, ее взгляд, уже светившийся неугасимой любовью, позволяли надеяться на лучшее.

Анна Австрийская тоже не могла пожаловаться на память. Из всех сил хлопоча ради того, чтобы ее сын был счастливее своих родителей, она с наступлением вечера, заботясь о ранимой стыдливости Марии-Терезии, без колебаний нарушила традиции и, задернув занавеску у постели только что улегшейся пары, попросила всех собравшихся удалиться.

– Вы думаете, они будут счастливы? – спросила Сильви у госпожи де Навай под конец вечера.

– На сей счет у меня есть сомнения. Прошел слух, будто, возвращаясь в Париж, король собирается заехать в Бруаж, куда Мазарини сослал свою племянницу Марию, под предлогом посещения порта Ла-Рошель. Не ускользнули от меня и взгляды, которые он бросал на одну из фрейлин. Потребуется удвоенная бдительность...

– Или старания, чтобы королева не разонравилась своему мужу.

– Сдается мне, этого будет куда труднее достичь.

Ночь была звездной, с моря дул приятный ветерок. Женщины решили продлить приятную прогулку.

Глава 3

Подарок королеве

Встреча Сильви и Франсуа произошла в Фонтенбло, в момент, когда она меньше всего этого ожидала.

Прежде чем показать королеву Парижу и въехать туда со всей пышностью, Людовик XIV решил провести несколько дней во дворце, который особенно любил. Минуло больше года с тех пор, как королевский двор покинул столицу и путешествовал по Провансу и Стране Басков, что делало возвращение еще приятнее.

Сильви тоже любила Фонтенбло, где неоднократно бывала при прежнем властителе, и отдавала должное огромному лесу и дворцовым зданиям – не таким высоким, как в Сен-Жермене, и не таким суровым, как Лувр. В этом дворце снова поселился двор после волнений Фронды. Там же обосновался и кардинал, занимавший много покоев. Сильви свято хранила воспоминания о своей первой встрече с Ришелье, начавшие ее со временем забавлять. Перебирая мысленно картины прошлого, она спустилась ранним утром в сад, чтобы насладиться свежестью розария и еще раз проделать путь, который когда-то, в возрасте 15 лет, так повлиял на ее дальнейшую жизнь. Ведь именно тогда она повстречала не только грозного кардинала, но и того, кому суждено было стать ее мужем и кто в тот день сопровождал безумно красивого и чрезмерно беспечного маркиза де Сен-Мара. Сейчас душа Сильви совершала в некотором роде паломничество к святым местам.

Было еще совсем рано, заря только-только опалила небо. Сильви выбрала для прогулки этот ранний час, чтобы успеть пройти до подъема королевской четы. Но, дойдя до павильона Салли, она обнаружила, что нескончаемая анфилада садов между прудом с карпами и Большим каналом заполнена людьми. Все эти слуги, мастеровые, садовники определенно были заняты подготовкой к какому-то празднеству, о котором еще никто не проговорился: накануне вечером парк был совершенно пуст и безлюден. Разочарованная и немного раздосадованная, Сильви уже готова была вернуться во дворец, когда у нее за спиной раздался мужской голос:

– Умоляю, госпожа, сохраните тайну еще два-три часа!

Низкий, теплый голос кольнул ее, как стрела. Она обернулась и увидела его. Из-за шелковой накидки, в которую она завернулась, чтобы уберечься от утренней влаги и прохлады, она осталась неузнанной. Теперь они стояли лицом к лицу, застыв от неожиданности, не находя слов, не смея шелохнуться. Зато живы были их сердца, тянувшиеся друг к другу, и глаза, проникавшие глубже самого пылкого поцелуя, загоревшиеся радостью, над которой ни он, ни она не были властны.

Впрочем, радость Сильви быстро сменилась ужасом. Ее охватило желание броситься бежать, но он удержал ее, схватив за край накидки.

– Прошу тебя, Сильви, ради памяти о прошлом подари мне хотя бы краткий миг, который нам по божьей милости дозволено провести вдали от любопытных глаз!

– Божья милость? Не слишком ли высокопарное высказывание применительно к простой случайности?

– Случайность, о которой ты, видимо, сожалеешь...

– Я только что изменила клятве, которую дала твоей жертве: больше никогда в жизни с тобой не встречаться. Разве этого не достаточно?

– Нет, ты несправедлива. Когда двое сходятся и обнажают друг против друга шпаги, то шансы их равны. Кровь за кровь, жизнь за жизнь! Если один из них падет замертво, то его так же неверно называть жертвой, как и его соперника – палачом.

– Тем не менее он пал от твоей руки.

– Я этого не хотел. В этом заключалась разница между нами: он дрался с намерением меня убить, я – нет.

– Ты так в этом уверен?

– Уверен, говорю совершенно искренне! Мы с ним были равны в искусстве фехтования, просто мне не хотелось умирать. Возможно, я оборонялся с излишней яростью. Я уже давно пришел к заключению, что лучше бы смерть принял я, а не он: лучше и для меня, и для тебя... Моя тень была бы счастливее меня живого: она обитала бы вблизи тебя все эти нескончаемые годы, на протяжении которых ты не покидала своих земель. Как же они меня измучили!

– Глядя на тебя, с этим нелегко согласиться, – заметила Сильви с оттенком горечи, не ускользнувшей от Франсуа.

– Перестань! Или ты будешь утверждать, что я не изменился?

Утверждать это значило бы грешить против истины, но перемены пошли ему на пользу: он стал еще неотразимее. Его волосы, некогда светлые и очень длинные, потемнели и уже серебрились на висках. Теперь он подстригал их на уровне плеч и отбрасывал назад, открывая полное энергии лицо с резкими чертами, обнаруживавшее ныне гораздо больше сходства с Сезаром Вандомским, его отцом. Прежний молодой северный бог уступил место просто зрелому Франсуа де Бофору, и это произошло даже к его выгоде: его фигура приобрела основательность, он великолепно смотрелся в своем серебристо-сером замшевом камзоле и сапогах кавалериста.

– И верно, тебя не узнать, – согласилась Сильви.

– Внешность обманчива, Сильви, – возразил он. – Сердце осталось прежним и, как и прежде, принадлежит только тебе.

– Еще одно словечко на эту тему, и я уйду! – сурово предупредила она и в подтверждение своей угрозы сделала шаг в сторону, но он опять ее удержал.

– Я полагал, что после стольких лет раскаяния завоевал право рассказать тебе без обвиняков о своем чувстве.

– Нас разделяет память об убитом тобой человеке. Она лишает тебя всех прав. К тому же я тебе не верю. Да, я жила вдали от двора, однако до меня все равно доходили многие слухи. Например, о тебе и некой мадемуазель де Герши; теперь поговаривают о госпоже д'Олон...

По легкой улыбке, которую он не сумел скрыть, она поняла, что совершила ошибку, признавшись в сохранившемся у нее интересе к нему, и мысленно обозвала себя дурочкой. Настал момент уйти, в противном случае диалог продолжился бы уже в ином тоне. Резко развернувшись и задев его по лицу своей накидкой, она внезапно оказалась нос к носу с Никола Фуке. Тот обратился к Франсуа с вопросом:

– Как ваши успехи? Все ли будет готово для улады их величеств, когда они выйдут после мессы?.. О, кого я вижу: госпожа герцогиня де Фонсом! Определенно сегодня день сюрпризов и счастливых для меня случайностей: ведь я повстречал вас! Как я погляжу, вы – ранняя пташка.

– Я всегда любила этот парк, вот и этим утром вышла сюда помечтать, как вдруг столкнулась с...

– С приготовлениями к торжеству, которое герцог де Бофор вздумал устроить в честь короля и ради которого прилагает немало стараний.

– У меня ничего не вышло бы, если бы не вы, дорогой Фуке. Вы – настоящий волшебник!

– Я знаю о его волшебных талантах лучше многих других, – заявила Сильви, подавая руку суперинтенданту финансов. – Господин Фуке – один из моих давних и самых лучших друзей. Но я не знала, что вы знакомы, – добавила она более сухим тоном.

– Надеюсь, вы не станете за это на него сердиться? Нас сблизила общая страсть – море. Как вам, наверное, известно, я унаследовал от отца адмиральский титул. Фуке – новый владелец острова Бель-Иль, и мы вынашиваем совместные проекты укрепления бретонских берегов и строительства между Брестом и Дюнкерком глубоководного порта, способного принимать боевые суда. Кроме того, мы подумываем, не превратить ли мое княжество Мартиг в крупный торговый порт на Средиземноморье...

– Сжальтесь, сударь! – прервал его Фуке. – Не отягощайте память госпожи де Фонсом перечислением наших совместных планов, не то она сочтет нас безумцами. Боже, а вот и проныра Кольбер – как всегда, мрачнее тучи... Стоит мне получить аудиенцию у короля, как он начинает меня выслеживать.

– Мухи всегда слетаются на мед. К тому же, друг мой, вы оставляете столь яркие следы, что по ним ничего не стоит пройти. Лично я не люблю этого уродливого завистника, а посему спешу вас оставить. Лучше я провожу госпожу де Фонсом.

Сильви собиралась протестовать, но передумала, не желая проявлять неучтивость в присутствии Фуке. Какое-то время она шла рядом с Франсуа молча, а потом спросила:

– Зачем тебе терять время на проводы? Того и гляди, опоздаешь.

– Я уже опоздал с тобой – на целых десять лет! Прошу, Сильви, позволь мне видиться с тобой хотя бы изредка. Эти годы были для меня настолько тяжелы, что...

Сильви смотрела только на носки своих туфель, появлявшиеся и исчезающие под подолом при каждом шаге, и не собиралась оглядываться на своего спутника. По тону его голоса она догадывалась, что его лицо выражает сейчас страсть. Этому выражению она никогда не умела сопротивляться.

– По-моему, они пролетели совсем быстро.

– Боже, как ты жестока! Но я тебе не верю. Этот глупец Бюсси-Рабютен утверждает, что разлука для любви – все равно, что ветер для огня: слабая тухнет, сильная разгорается еще ярче. Моя несколько не угасла, наоборот. А твоя?

– Не будем об этом, умоляю! Я запрещаю тебе спрашивать меня об этом, потому что я сама уже давно не задаю себе этого вопроса. Довольствуйся тем, что придворная жизнь принудит нас время от времени сталкиваться.

– Мне хотелось бы увидеть твоих детей. Малышка Мари была сущая прелесть! Кроме того, – он посерьезнел, – я был бы счастлив познакомиться с... твоим сыном.

– Зачем? – спросила она с внезапно пересохшим горлом.

– По-моему, это так естественно...

На сей раз она взглянула на него, не скрывая ужаса, но он задержался у клумбы с розами и жасмином и с невинным видом нюхал цветок. Что ему известно о рождении Филиппа? Ведь, зная дату, нетрудно прийти к правильному выводу...

– Почему ты находишь это естественным? – спросила она, полная решимости припереть его к стенке.

Он улыбнулся, сорвал и протянул ей розу, после чего взял ее за руку и отвел в сторону от копошащихся на клумбах садовников, чтобы, прикоснувшись к ее пальцам губами, прошептать:

– Ты не хочешь, чтобы мне было кого любить?

Не произнеся больше ни слова, он уронил ее руку и поспешил в импровизированный зеленый театр, где шли приготовления к столь любимому королем балетному представлению. Сильви в задумчивости возвратилась на половину королевы.

Праздник, устроенный Бофором, удался: король изволил наслаждаться представлением. Сильви получила от действия гораздо меньше удовольствия: стоило ей появиться со свитой королевы, как маршал Грамон, донимавший ее своей навязчивостью от самого Сен-

Жан-де-Люз, пристроился с ней рядом, несмотря на присутствие жены и нежелание Сильви потворствовать его ухаживаниям.

Кульминацией зрелища стал момент, когда Бофор, неотразимый в одеянии из черной тафты с серебряными позументами – Сильви еще не знала, что он, подобно ей, не снимает траур, – опустился перед юной королевой на одно колено и передал ей в дар совершенно очаровательного негритенка. Мальчику было лет 10–12; желая подчеркнуть природную красоту, его одели в золоченый атлас и увенчали головку тюрбаном с белыми перьями. Нисколько не смущаясь, он с потешной важностью приветствовал венценосную чету, скрестив руки на груди и поклонившись, после чего, ободренный восхищенным перешептыванием придворных, ослепительно улыбнулся.

– Он прибыл из Суданского королевства, госпожа, чтобы служить вам, – объяснил Бофор по-испански. – У него много достоинств, в том числе отменное владение флейтой и способность к танцу. Его зовут Набо, и он христианин.

Пока Мария-Терезия, раскрасневшись от удовольствия, смеялась и хлопала в ладоши, карлица, повсюду сопровождавшая ее, как верная собачонка, взяла мальчика за руку и повела в беседку, где собиралась угостить его сладостями. Они были примерно одинакового роста, но контраст между ее уродством, которого не могли замаскировать даже роскошные одежды, и его красотой был столь разителен, что многие присутствующие не удержались от шуток на предмет того, какой результат мог бы получиться в дальнейшем от подобного союза. Суровый взгляд короля заставил шутников умолкнуть.

– Можешь с ним поиграть, Чика, – молвила Мария-Терезия, – только не смей его портить.

На грубом лице карлицы, на котором нелегко было разглядеть осмысленное выражение, вдруг появилась удивительно радостная улыбка.

– Никогда! Он слишком хорош. Чика очень постарается.

Во время роскошной трапезы, которой Бофор счел необходимым попотчевать короля, Мадемуазель, на сей раз, как ни странно, не испытывавшая голода, приблизилась к Сильви, присевшей на каменную скамеечку вблизи роскошного розового куста, и опустилась с ней рядом. За долгий обратный путь женщины успели подружиться.

– Почему вы избрали уединение? Неужели влюбленный кавалер перестал баловать вас своим вниманием? Или вы сами от него отвернулись?

– Кавалер? Вы, наверное, о господине де Грамоне? Он отбыл в Париж по неведомой мне надобности.

Слова эти были произнесены с таким безразличием, что принцесса не удержалась от смеха.

– Как я погляжу, вы совсем утратили к нему интерес. Вы не представляете, как это меня радует!

– Отчего же?

– Меня страшит, что, овдовев, он осмелится просить вашей руки.

– Почему он должен овдоветь? Разве герцогиня больна?

– Она не может похвастаться крепким здоровьем. Остается ей посочувствовать: быть супругой Грамона – тяжкий труд. Бедная Франсуаза де Шеврез, взвалившая на себя эту тяжесть, терпеть не может замок Бидаш, в котором он пытается ее заточить, и проводит как можно больше времени со своей дочерью, принцессой Монако. С ней она, наверное, чувствует себя в безопасности.

– Разве общество ее супруга представляет опасность?

– Сам-то супруг – добряк, хоть и отличается чрезмерно порывистым и увлекающимся нравом, а вот его брат, шевалье, – сущий дьявол. Увы, он чрезмерно к нему прислушивается. Если братцу взбредет в голову, что семейству пойдет на пользу новый союз – скажем, с

богатой придворной дамой, – герцогиня может надолго задержаться в Бидаше, а это вредно скажется на ее здоровье.

– Не намекает ли ваше высочество, что бедную женщину могут...

Испуганный взгляд новой подруги вызвал у принцессы улыбку.

– Именно на это я и намекаю. Они способны на любую низость, и бедная Франсуаза прекрасно это знает. Недаром в этом замке ее мучают кошмары! По ее признанию, однажды она встретила там призрак своей свекрови...

– Матери маршала? Разве с ней приключилось какое-то несчастье?

– Это еще мягко сказано! Вот послушайте...

Истории, рассказанной Мадемуазель, было не занимать пикантности. Как-то в марте 1610 года отец маршала, возвратившись домой раньше обещанного, застал свою супругу, красавицу Луизу де Роклор, за нежной беседой со своим кузеном, Марселеном де Грамоном, пользовавшимся, как выяснилось, расположением и мужа, и жены. Но родственные чувства родственными чувствами, а поруганная честь требовала отмщения: подлый соблазнитель был нанизан на шпагу. Луизе тем временем удалось укрыться в близлежащем монастыре. Вzbешенный муж быстро выковырял ее из-за монастырских стен и передал трибуналу, составленному из местных знатных господ. На судилище неверную жену ждал неприятный сюрприз в «лице» трупа бездыханного любовника, которого еще не успели предать земле. Оба прелюбодея были приговорены к казни путем отрубания голов. Труп Марселена был обезглавлен без промедления, однако с умерщвлением жены Антонен де Грамон решил повременить, опасаясь возмездия со стороны тестя, гасконского губернатора и влиятельного придворного.

Роклор не стал медлить: он побежал жаловаться королеве Марии Медичи, что привело к появлению обращенного к Грамону высочайшего повеления «не посягать на жизнь супруги». Повеление, доставленное советником Гургю, вызвало у Грамона приступ гнева. Он отбыл в Париж, оставив провинившуюся под присмотром своей матери – прославленной Дианы д'Андруэн по прозвищу Корисанда, первой пассии Генриха IV еще в бытность того королем Наварры. То была суровая и гордая особа, оказывавшая мужественное сопротивление бегу времени. Невестку она презирала. Неизвестно, подговаривал ли сын мать или все случилось без его ведома, но 9 ноября молодую женщину предали земле. Корисанда отказала ей в праве покоиться в фамильном склепе Грамонов.

– Говорят, – закончила свой волнующий рассказ Мадемуазель, – будто несчастную швырнули в подземную тюрьму и оставили умирать с переломанными костями. Лично я никогда не принимала приглашений наведаться в Бидаш и вам не советую.

– Какая ужасная история! – пробормотала ошеломленная Сильви. – А как же сын?

– Сын почти не знал свою мать. С младенчества он жил у Корисанды в Ажетмо. Так что, если узнаете о смерти герцогини, спасайтесь со всех ног!

Сильви уже не слушала принцессу. Взгляд ее был прикован к королевскому столу, за которым Франсуа наполнял вином кубок Людовика XIV. Проследив ее взгляд, Мадемуазель сказала со вздохом:

– Вот еще один мужчина, питающий к вам любовь... Не понимаю, почему бы вам не стать его женой?

Это высказывание несколько не удивило Сильви. Принцесса давно дружила с Франсуа, была его сообщницей во время Фронды и скорее всего знала обо всех его помыслах. Не поворачивая головы, Сильви ответила:

– Много лет это было моей несбыточной мечтой. Теперь она еще более несбыточна.

– Все из-за того злополучного выпада шпагой? Что ж, в те времена все мы были немного не в своем уме. С каким воодушевлением мы клеймили друг друга в семейном кругу, с каким наслаждением разоблачали кто «мазаринистов», кто «антимазаринистов»! Да,

Бофор был ярым дуэлянтом, но не задирой. Думаю, потому сестра и простила ему гибель Немура. Вот и вам следовало бы его простить...

– Право прощать принадлежит моему сыну. Но пускай сперва повзрослеет. Время летит быстро! Скоро он начнет понимать, что к чему, и, если решит простить, у меня больше не останется причин сохранять непреклонность.

– А если вместо того, чтобы простить Бофора, он сам вызовет его на дуэль?

– Этому я сумею помешать, даже ценой риска для жизни. Но, надеюсь, до этого не дойдет.

– Я тоже хочу на это надеяться, и все же не забывайте про мой совет. Помиритесь с Бофором! Даже Химена в конце концов стала женой Родриго!

На сей раз Сильви не удержалась от улыбки. Она не догадывалась, что над ней уже нависла другая опасность, куда более серьезная.

Свежим утром четверга 26 августа король и королева, покинувшие Фонтенбло, уселись на сдвоенный трон, обитый шелком с лилиями, установленный на обширной пустоши, поросшей травой и возвышающейся над окрестностями, находившейся на полпути между Венсенским замком и Сент-Антуанскими воротами, впоследствии прозванной Тронной площадью. Оба были, естественно, разодеты со всей пышностью, какой ожидают подданные от своих монархов. Впрочем, в день знакомства Парижа с новой королевой Людовик предпочел умерить собственный блеск, чтобы помочь ярче засиять Марии-Терезии. На той было платье из черного атласа с таким количеством золотого и серебряного шитья, жемчуга и драгоценных камней, что цвет самого платья угадывался уже с трудом. Бриллианты мерцали на шее королевы, в ушах, на запястьях, в волосах, распущенных специально для того, чтобы лучше была видна королевская корона, ослепительно сиявшая в утренних солнечных лучах. Сам Людовик довольствовался серебряным шитьем на камзоле и одним-единственным бриллиантом на шляпе, осененной пучком белых перьев.

Молодая пара приняла военный парад и терпеливо выслушала нескончаемую речь канцлера Сегье, увешанного золотом с ног до головы, считавшего этот день и собственным триумфом. Ни для кого не составляло тайны, что Мазарини доживает последние дни; в этой связи самоуверенный канцлер прочил самого себя в премьер-министры. Наконец длиннейший кортеж королевы, направляющейся в Лувр, тронулся с места. Людовик XIV с видимым облегчением вскочил на красивого гнедого коня; Мария-Терезия уселась, по словам хрониста, в «колесницу, превосходящую красотой ту, в которой безосновательно представляют возлежащим наше светило; кони, впряженные в эту колесницу, затмили бы скакунов, влекущих это сказочное божество».

Люди встречали королеву криками воодушевления, она отвечала им сперва робкой, потом все более уверенной улыбкой и все более весело помахивала ладошкой. Перед ней гарцевал человек, которого она теперь любила сильнее всех на свете: в этот чудесный день он сулил ей безбрежное счастье. Однако этой встрече было далеко до испанской помпы, до преклоняющих головы людей, в религиозном безмолвии провожавших глазами венценосных идолов, похожих пышностью на хоругви на крестном ходу. В Париже народ тоже вышел приветствовать своих владык, но поклоны быстро сменялись подбрасываемыми в воздух шапками и произнесением нараспев рифмованных строчек:

Скорей расстанься, королева,
С красивым прозвищем «инфанта»
В объятьях царственного франта!

В шесть часов вечера торжественная процессия, сопровождаемая бравурной музыкой, достигла наконец Лувра, который по такому случаю успел принять щеголеватый вид, чему поспособствовало длительное отсутствие двора. Чету ждали обновленные покои, свежие драпировки и море цветов. Квадратный внутренний двор еще не принял свой окончательный вид, но это не испортило впечатления.

Сильви наблюдала за процессией вместе с госпожой де Наваи и госпожой де Мотвиль с балкона особняка Бове, принадлежавшего камеристке Анны Австрийской Като, по прозвищу Кривая, обогатившейся благодаря своему подвигу: это она, завладев во время Фронды молодым королем, лишила его невинности... Мать короля была в восторге от ее поступка, вследствие чего супруг сей особы, торговавший прежде лентами на галерее дворца, был произведен в советники и бароны де Бове. На удачливую пару низверглась подлинная манна небесная. Она приобрела у Мадлен Кастильской, супруги Фуке, участок вдоль улицы Сент-Антуан, на котором возвела чудесный особняк, новизна которого заключалась в главном фасаде, выходящем непосредственно на улицу и оживленном многочисленными балконами.

Сейчас эти балконы были украшены алым бархатом. На одном из двух, самых красивых, стояли Анна Австрийская, ее свояченица, мать английского короля, и молодая Генриетта, дочь последней; на втором – Мазарини и Тюренн. Остальные видные придворные, не участвовавшие в процессии, столпились на других балконах.

Госпожа де Фонсом и две ее подруги оказались здесь вопреки своей воле: они дружно презирали баронессу де Бове вместе с ее свеженамалеванным гербом и не видели большой разницы между нею и заурядной содержательницей борделя. Однако королева-мать лишила их возможности отказаться, назвав их в числе приглашенных: раз она сама почитит этот дом своим присутствием, значит, там не грех находиться и всем прочим. Упрямицам пришлось уступить, благодаря чему Сильви удостоилась приветствия господина де Грамона, шествовавшего позади короля вместе с другими маршалами Франции.

Однако стоило процессии удалиться, как три подруги, ничуть не желая продолжать пользоваться гостеприимством Като Кривой, поспешно простились с ней и поехали в Лувр окольной дорогой, чтобы успеть подготовиться к прибытию королевы.

Выйдя из кареты перед главным входом – эту роль все еще выполняли Бурбонские ворота, но скоро этому должен был быть положен конец, ибо Людовик XIV уже принял решение снести последние остатки старого Лувра, – Сильви столкнулась с осанистым господином лет сорока, одетым, правда, по моде десятилетней давности, чья речь и загар выдавали любителя приключений, прибывшего издалека. Черты его лица были неправильны, но не лишены приятности. Приветствуя Сильви, он проявил отменную учтивость.

– Покорнейше прошу простить мне бесцеремонность, милостивая госпожа. Только что я находился в толпе, и мне указали на вас, назвав герцогиней де Фонсом. Я приду в отчаяние, если это окажется ошибкой, и не смогу ее себе простить...

– Нет, вас не ввели в заблуждение. Я ношу именно это имя и титул, однако позвольте узнать, чем вызван ваш интерес?

– Я был бы вам весьма обязан, если бы вы согласились коротко со мной переговорить. Я собирался нанести вам визит, но вы редко бываете дома, поэтому, надеюсь, не будете в обиде, если я воспользуюсь этой возможностью.

– У вас ко мне какой-то важный разговор? Как вы понимаете, я не могу задерживаться надолго, как и заставлять ждать меня на пороге дворца других дам.

– Разумеется, не здесь! Предоставьте мне честь, госпожа герцогиня, и назначьте аудиенцию.

– Что ж, раз вы знаете, где я живу, приходите завтра к шести часам вечера. В это время я смогу уделить вам несколько минут. Кстати, не назовете ли вы мне свое имя?

Незнакомец ретиво махнул по мостовой издавшими виды перьями своей шляпы.

– Примите мои извинения! Я должен был с этого начать. Фульжен де Сен-Реми. Я приплыл с Островов.⁶ Признаться, мы с вами некоторым образом родня...

Его последние слова не выходили у Сильви из головы, пока она шла вместе со своими спутницами к королеве. Там их ждала новость: герцогиня де Бетюн, как выяснилось, выздоровела и явилась снова принять на себя обязанности, которые со времени королевского бракосочетания выполняла госпожа де Фонсом. Начала она с инспекции гардероба Марии-Терезии и ее драгоценностей. Впрочем, Мария Молина и остальные испанки, а также Набо и Чика отказывались ее признавать. Молина не желала знать никого, кроме «сеньоры де Фонсом», и не понимала, зачем сюда вторглась эта самозванка, зачем та перебирает драгоценности, тем более что их сохранность – дело не камеристки, а специально назначенной фрейлины. Ввиду того, что каждая владела только своим родным языком, до взаимопонимания было далеко, а до конфликта, наоборот, рукой подать.

Госпожа де Мотвиль и Сильви включились в перепалку, которая без них привела бы к куда худшим последствиям. Молина была способна кому угодно выцарапать глаза, когда речь заходила об «ее инфанте», у госпожи де Бетюн тоже был далеко не сладкий характер. Урожденная Шарлотта Сегье, дочь канцлера, ожидавшего нового назначения, она получила высокомерие по наследству и была, согласно оценке госпожи де Мотвиль, относившейся к ней неприязненно, «в большей степени герцогиней, нежели остальные».

Мир был восстановлен, но госпожа де Бетюн не уgomонилась и набросилась на Сильви. Не заботясь о справедливости, она утверждала, что та должна была сразу по прибытии инфанты во Францию довести до сведения всех ее слуг имя настоящей камеристки, а не принимать эти обязанности на себя, забыв о своей роли временной заместительницы. Все это было произнесено настолько резко, что Сильви не выдержала.

– Кажется, это еще не все, – сказала она. – Разве им не надо было ежедневно поминать вас в молитвах? Если бы вы, как того требовал ваш долг, явились в Сен-Жан-де-Люз, мне бы не пришлось вас подменять.

– Зная, что мне нездоровится, вы должны были перед отъездом испросить у меня разрешения.

– Испросить разрешения у вас, имея на руках предписание самого короля явиться туда? Это уже похоже на бред!

– Приличные люди поступают именно так. Во всяком случае, должны поступать.

– Идите к их величествам и объясняйтесь с ними.

– Я не премину это сделать, не сомневайтесь. Этикет...

– Этикет не имеет ни малейшего отношения к вашему дурному настроению, мадам, – оборвала ее Сюзанна де Навай, потеряв терпение. – Советую хорошенько подумать, прежде чем досаждать их величествам. Королева полюбила госпожу де Фонсом, с которой может беседовать на своем родном языке. Вы им как будто не владеете? Что касается короля, которого герцогиня учила играть на гитаре, то он и вовсе питает к ней огромное уважение...

Дождавшись Марии-Терезии, утомленной долгой и ответственной поездкой под палящим солнцем, придворные дамы обступили ее, чтобы избавить от тяжелых парадных одежд. Но стоило Молине посягнуть на прическу королевы, как госпожа де Бетюн вмешалась:

– Это – обязанность главной комнатной фрейлины, ведающей туалетом королевы!

Оттолкнув Молину, она завладела королевой, на которую уже успели накинуть тонкий батистовый пеньюар. Однако в своем занятии она не слишком преуспела: уже через минуту стало видно, что, снимая нити с жемчугом и отдельные камни, она слишком сильно тянет несчастную за волосы. Та, впрочем, помалкивала, мужественно перенося муки. Зато госпоже де Навай терпения хватило ненадолго.

⁶ Имеются в виду Антильские острова. (Прим. ред.)

- Какая же вы неловкая, госпожа герцогиня! Пусть этим занимается более способная.
- Кажется, сама королева не жалуется?

– Не жалуется, – раздался властный женский голос, – ибо представляет собой воплощение доброты, к тому же относится к этому, должно быть, как к неизбежной жертве нашему Создателю. Не пытайте ее больше, госпожа де Бетюн, лучше уступите место Молине!

Королева-мать явилась к невестке, как всегда, в сопровождении верной Мотвиль и, как всегда, властная и величественная. Все дамы при ее появлении почтительно преклонили колени. Она приветствовала их улыбкой, но госпожу де Бетюн в покое не оставила: казалось, ее радует возможность устроить ей разнос. Ведь та была дочерью того самого Сегье, который в трудную минуту посмел ее оттолкнуть, чтобы завладеть важным письмом.⁷ Подобное оскорбление гордая испанка была не в состоянии простить. На свою беду, госпожа де Бетюн очень походила внешне на своего папашу.

– Судя по всему, вы находите возможным приступать к выполнению своих обязанностей, когда вам этого захочется! Вас не было видно на протяжении нескольких недель, потом вы появляетесь, когда вас меньше всего ждут, и нарушаете гармонию, уже воцарившуюся в свите королевы! Не бесцеремонность ли это?

Внутренне негодующая, но внешне присмирившая герцогиня напомнила в ответ о своем непрочном здоровье и о болях, не позволивших ей присоединиться к прочим дамам, присутствовавшим на свадьбе. Она бесконечно огорчена тем, что туда не попала...

– Не попали? Никто вас там не хватился. Вам отлично известно, что должность предложена вам по настоянию кардинала, который не хотел огорчать канцлера... И довольно об этом! Любезные дамы, – продолжила она совсем другим тоном, – у меня есть для вас важная весть: ее величество вдовствующая королева Англии, моя сестра, сделала нам честь, согласившись отдать в жены моему сыну Филиппу свою дочь Генриетту. Обе вскоре отбудут в Лондон, дабы заручиться согласием на этот брак короля Карла II, в котором, впрочем, заранее уверены. Мы тем временем позаботимся о свите будущей герцогини Орлеанской. Прошу тишины! – прикрикнула она насмешливо. – Новость не так уж и нова. Вы наверняка подозревали, что это произойдет?

Действительно, со дня возвращения двора в столицу слухи об этом гуляли по салонам. Мазарини активно способствовал этому браку, усматривая в нем великолепное средство помириться с Карлом II, которому слишком часто, не желая портить отношения с Кромвелем, отказывал в поддержке. В результате внезапное возвращение английского монарха на трон породило немало проблем для Франции.

Дождавшись, пока фрейлины притихнут, Анна Австрийская приблизилась к Сильви и, не спуская глаз с госпожи де Бетюн, молвила:

- Сколько лет вашей дочери Мари, госпожа де Фонсом?
- Четырнадцать, ваше величество.

– Значит, на будущий год, когда сыграют свадьбу, о которой я только что объявила, ей будет пятнадцать... Вы сами, дорогая Сильви, как раз в этом возрасте поступили ко мне на службу и проявили похвальное рвение. По моему разумению, ей найдется место среди юных фрейлин новой Мадам. Когда я видела вашу дочь в последний раз, она уже обещала вырасти в прехорошенькую девушку, а Месье чрезвычайно привержен намерению принимать себе в придворные только молодых и красивых.

Такое назначение, сделанное заочно и прежде всех остальных, являло собой исключительную привилегию. Сильви присела в глубоком благодарственном реверансе, чувствуя искреннюю признательность к королеве-матери. При этом радости она не ощущала – скорее тревогу: пока что она не знала, из кого будет состоять новый двор. Одно было ясно: если

⁷ См. книгу «Спальня королевы».

судить по приверженности молодого Месье к роскоши и утонченности, двору предстояло блистать, однако обстановка там вряд ли будет столь же разумной, сколь разумной она была в Лувре в момент, когда там появилась она сама. Ее Мари не могла пожаловаться ни на слабость духа, ни на пугливость: она была девушкой с характером и только о том и мечтала, чтобы прогреметь в свете. Услышав об уготованной ей будущности, она, несомненно, придет в восторг, однако ее мать знала, что с этого момента о покое можно будет больше не мечтать. Хуже того, в этот славный день она уже приобрела одного врага. Ядовитый взгляд впавшей в немилость главной камеристки не предвещал ничего хорошего.

В этот вечер ей было очень трудно уснуть, несмотря на умиротворяющие речи, произнесенные Персевалем, когда он увидел, в каком волнении она возвратилась из дворца.

– Пусть вас не беспокоит событие, которое произойдет еще через целый год! Лучше живите день за днем и постепенно устраняйте насущные затруднения.

– Вот именно, насущные! Кроме Мари, меня беспокоит этот Сен-Реми. Непонятно, что ему от меня понадобилось.

– От нас, а не только от вас одной. Будьте уверены, я вас не покину. Пока что отдыхайте. А я пойду...

– Куда?

– В Сен-Манде. Хочу напроситься на ужин к нашему другу Фуке. Как вам известно, у него есть на Островах свои интересы. Возможно, он сумеет подсказать, откуда взялся этот субъект.

Согласно своей привычке, Персеваль пренебрег каретой и отправился к Фуке верхом, справедливо считая, что конь пройдет где угодно и доставит к месту гораздо быстрее кареты. Увы, возвратиться ему пришлось гораздо раньше, чем он предполагал: прелестный замок Сен-Манде, где Фуке любил работать и где собирал свой тесный кружок художников, писателей и близких друзей, оказался этим вечером почти пуст. Персеваль обнаружил там только поэта Жана де Лафонтена, который предавался мечтам под своим излюбленным кедром, попивая вино из Жуани, которое Ватель, повар суперинтенданта, припасал специально для него. Неизменно вежливый поэт предложил гостю рюмочку, но подсказать, где искать Фуке, не смог. Одно было очевидно: ужинать придется без него. Шевалье де Рагнель отклонил приглашение и уже собирался откланяться, попросив Лафонтена уведомить хозяина дома, что он повторит свой визит завтра, как вдруг появился аббат Базиль. В данный момент этот человек вполне был способен заменить самого Никола Фуке, так как был его младшим братом и помощником на все руки.

Базиль получал доход от турецкого аббатства Сен-Мартен, но пострига не принимал, что было для церкви только лучше. Интриган, жуир, храбрец, никогда не расстающийся со шпагой, он к тому же не уступал старшему брату в уме, был хитер, как лис, и любил затевать ссоры. В период смуты, вызванной Фрондой, он расцвел, как цветок на солнце, проявляя определенную последовательность в своей службе Мазарини – как и родному брату – на протяжении целых одиннадцати лет. Славясь манерой во все совать нос, он внимательно выслушал Персеваля.

– Сен-Реми, говорите? Вычислить его не составит труда. Французов на Антильских островах не так-то много, и вполне возможно, что он прибыл именно оттуда: мне известно, что недавно в Нанте пришвартовался корабль из тех земель; остается узнать, находился ли он на его борту. Я этим займусь.

На прочувственную благодарственную речь Персеваля он ответил:

– Лучшей благодарностью станет для меня улыбка герцогини де Фонсом. Уже много лет я рабски возлежу у ее ног, но она не соизволит меня замечать. Увы, меня полностью заслоняет братец Никола.

– Кстати, не знаете ли вы, где он сейчас?

– В Шарантоне, у госпожи дю Плесси Бельер, где ищет свежего воздуха. Он вышел от его преосвященства кардинала, кипит от ярости: тот, невзирая на недомогание, не прекращает кланяться проценты с сумм, конфискованных у него во время Фронды.

– Казалось бы, в его плачевном состоянии надлежит заботиться о спасении души, а не о толщине кошелька.

– Сие правило действует в отношении нормальных людей, как вы да я, тогда как его преосвященство ныне более чем когда-либо озабочен богатством. Видели бы вы, как он бродит по залам своего дворца или по своим покоям в Лувре, опираясь на палку, со слезами на глазах! Все время, свободное от притеснения моего брата, он посвящает прощанию с благами, которые копил всю жизнь, чтобы рано или поздно – теперь уже скорее первое – с ними расстаться. Представляете, он при этом рыдает! От такого зрелища и скончаться недолго... со смеху, разумеется.

– Вряд ли это может всерьез угрожать господину суперинтенданту. Уж он-то давно знаком с алчностью кардинала.

– Несомненно, но новизна состоит в том, что теперь его преосвященство невозможно застать без Кольбера: тот вечно вылезает из какой-нибудь щели, вооруженный очередным меморандумом. Совершенно невыносимая ситуация! Пора бы Создателю поторопиться да призвать кардинала к Себе на небеса, иначе Кольбер совсем его доконает.

– Видимо, вы возлагаете надежду на то, что молодой король проявит больше внимания к конкретным делам?

– Да, возлагаю. Ввиду своей молодости король прислушивается к своей матушке, а она благоволит моему брату, умеющему убеждать. Быть ему премьер-министром!

Персеваль завидовал уверенности аббата Базиля, но сам ее не разделял. Относясь к Никола Фуке с уважением и симпатией, он тем не менее опасался, как бы его блестящие достоинства не выглядели в глазах мрачного Кольбера недостатками, и не ждал от их соперничества ничего хорошего. Тем не менее встреча с Базилем оказалась полезной: аббат был именно тем человеком, который мог оказать настоящую помощь, и Персеваль радовался, что ему удалось избавить и без того занятого суперинтенданта от лишней обузы.

На следующий день господин де Сен-Реми явился в дом Фонсомов строго в назначенный час. Шагая следом за лакеем в черно-зеленой ливрее с серебряным шитьем, он стрелял глазами во все стороны, словно пытаясь оценить богатства, собранные в этом благородном жилище. Выражение его лица не понравилось бы здешним обитателям, если бы они видели его сейчас. Путь его лежал в библиотеку, где трудами покойного маршала были собраны литературные раритеты, составлявшие главную радость Персеваля. Тот как раз знакомился с каким-то документом из архива грамот, когда в двери появился гость. Судя по приветствию, последний не испытывал ни малейшей робости. Сильви предложила ему присесть, представив своего крестного, и Сен-Реми с достоинством опустился в кресло.

Во второй раз он понравился Сильви ничуть не больше, чем в первый, хоть и передвигался с несомненной грацией и обладал немалым магнетизмом. Тем не менее у нее не было пока причин обходиться с ним невежливо.

– Итак, сударь, в чем состоит важность дела, принудившая вас следовать за мной до самого Лувра?

Господин с Островов пришел в замешательство и ответил не сразу. В конце концов он обнажил в улыбке превосходные зубы и молвил:

– Речь идет о довольно старой истории, госпожа герцогиня. Возможно, вы сочтете ее банальной, однако для меня она чрезвычайно важна, ибо от вас, от вашего к ней отношения, зависит ее счастливый или неудачный конец. Дело в том, что я имею честь приходить к вам деверем...

Сюрприз и впрямь вышел знатный. Сильви инстинктивно перевела взгляд на Рагнеля. Тот перестал свертывать пергамент и застыл. Сильви взяла себя в руки и посмотрела на посетителя так спокойно, как сумела.

– По всей видимости, вы допускаете ошибку, сударь, – проговорила она холодно. – Это совпадение фамилий, не более того. Мне неизвестно, чтобы у моего покойного супруга существовал брат.

– Старший брат, с вашего позволения. Спешу пояснить, что сам он никогда этого не знал. Повторяю, история старая. Сами знаете, юношеские увлечения, плохо кончающиеся, но оставляющие последствия...

Персеваль рассудил, что настало время присоединиться к разговору.

– Насколько я понимаю, сударь, вы – бастард?

Посетитель издал такой тяжкий вздох, что со стен чудом не посыпалась штукатурка.

– Можно назвать это и так, хотя я не должен был им стать. Когда покойный маршал был еще полон сил и носил титул маркиза д'Отанкура, доставшийся позднее его сыну, он испытывал сильное увлечение моей матерью. Она была красавицей, но, увы, относилась к слишком мелкому булонскому дворянству. Когда она забеременела, он по примеру Генриха IV, поступившего так же в отношении мадемуазель д'Антраг, подписал перед уходом на войну обещание, что женится на ней, если ребенок, которого она вынашивает, окажется мужского пола. На беду, отец моей матери, которого у меня язык не поворачивается именовать своим дедом, заметил, в каком состоянии пребывает дочь, разгневался и заточил ее в женский монастырь до разрешения от бремени с мыслью, что родившееся дитя должно исчезнуть, а роженица – выйти замуж за богатого человека, которого он подберет ей самостоятельно. Моя мать не смогла смириться с такой участью и сбежала из монастыря при помощи влюбленного в нее юноши, мечтавшего об Америке. Я родился уже на корабле. Приплыв на остров Сен-Кристоф, к господину Белену д'Эснамбуку, они поженились. Однако моя мать сохранила обещание женитьбы, которая превратила бы меня в герцога де Фонсома, владельца всего этого...

Завершающие слова были произнесены без гнева, даже ласково, что понравилось Сильви даже меньше, чем более подобающая ситуации вспышка зависти. Персевалю услышанное тоже не пришлось по душе.

– Ваш роман, сударь, любопытен, хоть и банален, но я, по правде говоря, не вижу, чего бы вы могли ожидать от нас. Полагаю, вы не станете подвергать сомнению законность брака покойного маршала Фонсома с мадемуазель де Нель, как и брака покойного герцога Жана с мадемуазель де Валэн, присутствующей здесь?

– Вовсе нет! Но дело в том, что обещание женитьбы, скрепленное чести по чести подписью, – серьезный документ, который должен быть принят во внимание парламентом в случае, если у госпожи герцогини не окажется наследника мужского пола...

– Сразу видно, что вы приплыли издалека, сударь, – не стерпела Сильви. – У меня есть сын!

– Родившийся, увы, уже после смерти вашего мужа. Как видите, я посвящен в курс дела лучше, чем вам представлялось, госпожа. А раз его отец покинул сей мир до его рождения, то признать его он никак не мог. Следовательно, ваш сын может называть себя герцогом де Фонсомом только потому, что его мать – вы.

Сильви почувствовала, что бледнеет. Персеваль понял, что наслушался достаточно. Не отходя от кресла своей крестницы, он указал пальцем на дверь.

– Уходите! Не знаю, какую цель вы преследуете, неся весь этот вздор, зато знаю точно, что мы уже потеряли с вами достаточно времени. Вон отсюда!

Он уже потянулся к звонку, чтобы вызвать лакея, но Сильви остановила его жестом. Она была удивлена тем, что Персеваль, обычно такой хладнокровный, в этот раз так легко вышел из себя.

– Погодите! Я хотела бы узнать об этом субъекте побольше. Начнем с того, что одно дело – объявить себя обладателем некоего документа, и совсем другое – быть в состоянии его предъявить...

– Если загвоздка только в этом, я рад вам его показать... То есть не сам документ, а его точную копию, поскольку подобную ценность было бы неосмотрительно повсюду носить при себе. Я все подробно скопировал, вплоть до рисунка на зеленой восковой печати.

Сильви мельком глянула на факсимиле и передала его Персевалю.

– Вы называете это точной копией? – проворчал тот. – Откуда мы знаем, что это – не единственное, чем вы располагаете?

– Очень просто: можете оставить ее себе и изучить в мельчайших подробностях, дабы убедиться, что это не шутка. Оригинал вы увидите после того, как он окажется у судьи. Впрочем, я ожидаю, что до этого не дойдет...

– Вот именно! – молвила Сильви. – На что вы надеялись, явившись в этот дом? Думали, я скажу: мы крайне удручены тем, что занимаем его вместо вас, и все сделаем так, как пожелает истинный господин герцог? Что я соглашусь предать забвению свою свадьбу в Палле-Рояль, в присутствии короля, королевы и кардинала Мазарини?

Фульжен де Сен-Реми позволил себе дерзкую улыбочку.

– Успокойтесь, герцогиня! У меня и в мыслях не было ничего подобного! Просто я беден, не имею семьи и надеялся ее обрести.

– Здесь, у нас? – воскликнула Сильви, пораженная его самоуверенностью.

– А почему бы и нет? Мы с вашим покойным супругом были сводными братьями. Можете не сомневаться, из меня выйдет прелестный дядюшка для ваших детей.

– Ваши шутки не смешны, молодой человек! – прорычал Персеваль. – Советую вам удалиться как можно быстрее.

– Куда же мне идти? Глядите, у меня не осталось ни гроша. – В подтверждение своих слов он встал и вывернул карманы. – Нищета – плохая советчица. Я истратил на путешествие последнее, что у меня было.

– И решили, что шантаж – подходящий способ пополнить финансы? Что ж, вы просчитались. Можете трясти своей бумажкой перед носом у всего парламента – на нее все равно никто не обратит внимания. Если же вы затеете судебный процесс, то он может растянуться на годы...

– В теперешнем положении у меня, разумеется, нет средств судиться. А вот если случится несчастье и юного герцога, не дай бог, не станет... К этому должен добавить, что заручился протекцией господина Кольбера.

Сильви вскрикнула от ужаса, к ее крику добавилось гневное восклицание шевалье де Рагнеля. Звонок зазвенел так пронзительно, что в библиотеку влетели сразу четверо лакеев.

– Вышвырните этого негодяя! Чтобы духу его больше здесь не было! – завопил Персеваль. Сильви тем временем вынула из секретера кошелек и сунула его выставляемому вон.

– Не бывало еще такого, чтобы я не откликнулась на просьбу о милостыне. Здесь пятьдесят экю: найдите им хорошее применение, только больше не возвращайтесь!

Глаза Сен-Реми вспыхнули, он ослабил и одним рывком стряхнул с себя лакеев.

– Я уйду сам! Премного благодарен, госпожа герцогиня, вы очень добры. Я буду об этом помнить.

Сопровождаемый ливрейным эскортом, он величественно покинул зал. Персеваль обратил свой гнев на Сильви:

– Вы с ума сошли? Зачем было давать ему деньги? Слышали, что он сказал? Что не забудет вашу щедрость! Иными словами, вам теперь никогда от него не избавиться. Понимаете, никогда!

Ужас, который Сильви испытала при намеке Сен-Реми на возможность гибели ее сына, нашел выход в гневной тираде:

– Что ж, он всего лишь присоединится к тем, кто пользуется моей щедростью. Я достаточно богата, чтобы снести это! Разве вы не поняли его речей? Если ему не помочь, он прилетит за Филиппа. Я все сделаю, чтобы уберечь моего мальчика!

– Ах, Сильви, Сильви! Вы попали в переделку, которой не будет конца. Он понял, что вы его боитесь, и обратит это себе на пользу. На сегодня он удовлетворился тем, что вы ему дали, – кстати, милостыня вышла чрезмерно щедрой, но уже завтра явится снова и потребует вдвое больше. Учтите, от таких бессовестных людей позволительно ожидать любой низости. С него станется просить руки вашей дочери – ведь он мечтает влезть в семью! Как вы поступите тогда?

– У вас есть что предложить?

– Взять Филиппа из школы и держать дома до тех пор, пока мы не избавимся от этого наглеца.

– Я подумаю об этом, тем более что вы и аббат Резини обучите его ничуть не хуже. Что еще?

– Предпринять все необходимое, чтобы устранить опасность. Будьте уверены, он настроен серьезно. Перво-наперво, все о нем разузнать. Его рассказ показался мне слишком кратким. Полагаю, здесь нам сможет помочь аббат Фуке.

Сильви уже перешла от гнева к задумчивости.

– Одно меня удивляет: как, лишь недавно приплыв с Островов, он умудрился проведать, что мой сын родился через девять месяцев после смерти своего отца? Не хватает только, чтобы он оказался осведомлен о том, что произошло той роковой ночью в Конфлане!

– Раз он все знает, значит, успел разведать, сойдя на берег. Но как?! Не представляю, каким образом Кольбер, чьим именем он прикрывается, мог проникнуть в наши секреты. К тому же, как заклятый враг нашего друга Фуке, Кольбер слишком слаб, чтобы пускаться в подобные интриги. Насколько я знаю, у него не должно быть на вас зуба?

– Мы с Кольбером едва знакомы. Когда встречаемся, он раскланивается с безупречной вежливостью, я тоже стараюсь выглядеть любезной, хотя мне и не нравится его внешность и поведение в отношении суперинтенданта.

– Говорю вам, надо все узнать, причем любой ценой! И уж не сердитесь за мою недавнюю вспышку: правота на вашей стороне, поскольку своим золотом вы купили хотя бы короткую отсрочку. Деньги временно усыпят его бдительность, заставят мечтать о блестящем будущем, у нас же нет ни малейших оснований медлить. Какая жалость, что дорогой Теофраст Ренодо ушел от нас в лучший мир! Вот кто был непревзойденным мастером докапываться до истины и отпирать ящик Пандоры!

Аббат Фуке сумел заменить почившего умельца. Спустя неделю Персеваль уже знал, благодаря его стараниям, что 10 числа предыдущего месяца торговый корабль «Архангел Гавриил», принадлежащий нантскому судовладельцу Ле Бутелье, действительно вошел в гавань с грузом леса с острова Сен-Кристоф и несколькими пассажирами на борту, но ни один из них не носил имени Сен-Реми и не соответствовал описанию его внешности.

Глава 4

Угроза

Мазарини давал свой последний бал. В тот вечер в ярко освещенных залах Лувра комедианты Месье, возглавляемые Мольером – автором, режиссером и первым актером, давали две пьесы: «Шалый» и «Смешные жеманницы». Спектакли игрались прямо на дому у знатного больного не только ради его удобства, но еще и потому, что театр Малого Бурбонского дворца, примыкавшего к Лувру, уже перестраивался, а Пале-Рояль, который Месье задумал возвести с размахом в ожидании роскошных балов, каковые должны были сопровождать его грядущую супружескую жизнь, еще не был достроен. Собственно, никто не высказывал по этому поводу огорчения, ибо галерея, где была представлена часть коллекций кардинала, не могла не восхищать ценителей. Мари де Фонсом, впервые попавшая на бал и ждавшая представления королю, обеим королевам и Месье, таращила от восторга глаза и не скрывала радости. Наконец-то она перенеслась в тот сверкающий мир, о котором мечтала, томясь в монастыре!

Эта молоденькая девушка в синем атласном платье с пышными кружевами, похожими на облака на утреннем небе, с ленточками, вплетенными в ее белокурые, изящно причесанные волосы, с ниткой жемчуга, подчеркивающей стройность ее шейки, составляла со своей матушкой, чей черный бархат и черные же кружева выглядели не трауром, а наилучшим фоном для бриллиантового ожерелья, некогда приобретенного герцогом-маршалом у одного купца из Брюгге, совершенно неотразимую пару, на которую все оглядывались с самыми разными выражениями на лицах. Мадемуазель, первой удостоившая их вниманием, не скрывала восхищения:

– Трудно сказать, которая из вас красивее. Боюсь, дорогая герцогиня, вы не сумеете долго продержаться при себе это очаровательное дитя.

– Я совсем не тороплюсь замуж! – возмутилась Мари. – Я хочу быть фрейлиной новой Мадам. Говорят, когда она появится здесь, Месье будет что ни день давать балы.

– Что ж, верно, – согласилась принцесса со вздохом. – В вашем возрасте балы – это действительно самое главное в жизни.

– Разве вы, ваше высочество, больше их не любите? – с улыбкой осведомилась Мари. – Зачем тогда вы тоже их устраиваете?

– Может, и люблю, но не стремлюсь туда так, как прежде. К тому же я не хозяйка у себя дома. Возвратившись из Сен-Жан-де-Люз, я с удивлением обнаружила у себя в Люксембургском дворце мачеху.⁸ Она все время плачет, шмыгает носом, всюду роется и мешает моим слугам... Иногда я даже спрашиваю себя, не лучше ли мне было бы уйти в монастырь.

В действительности меланхолия Мадемуазель была вызвана не столько этим вынужденным соседством, сколько будущим браком Месье. Ввиду своего высокого положения она всегда считала, что ее руки достоин разве что король, на худой конец – брат короля. Первый уже заключил брак, а теперь и второй собирался последовать его примеру! Неудивительно, что в последние дни у нее ни на что не глядели глаза. Сильви, отлично знавшая обо всем происходящем, позволила себе улыбнуться.

– Это было бы прискорбным шагом. Я-то думала, что ваше высочество ждет один из европейских тронов: кажется, королей вокруг хватает. Начать хотя бы с английского...

Ее перебила Мари, вскричавшая:

⁸ Маргарита Лотарингская, вторая жена отца Мадемуазель, покойного Гастона Орлеанского.

– Смотрите, матушка! Герцог де Бофор! До чего красив! Осанка короля! Восхитительный кавалер!

– Откуда ты его знаешь? – спросила ошеломленная Сильви.

– Как это «откуда»? Вы забыли, матушка? Ведь вы сами познакомили нас в Конфлане! С тех пор я его не забывала. К тому же он несколько раз мелькал в монастыре Визитации.

Даже если бы ей на голову обрушился потолок, Сильви взволновалась бы меньше, чем от слов дочери. Неужели и Мари, ее малышка Мари, подпала под чары, пленницей которых стала много лет назад она сама? Смех Мадемуазель, похвалившей Мари за хороший вкус, отбил у нее охоту схватить дочь за руку и вместе с ней пуститься наутек. Ведь если зло уже совершено, бегство лишено смысла. Свидетельством тому был ее собственный опыт...

Франсуа подходил все ближе, рядом с ним вышагивал Никола Фуке. Герцога сопровождали две девицы, при виде которых юная Мари не удержалась от гневного возгласа:

– О боже! С ним эти мерзкие сестры Немур! Не выношу их!

– Полностью разделяю ваши чувства, – подхватила Мадемуазель. – Они не только некрасивы, но и невыносимо высокомерны. Кто-то, видите ли, предрек им, что обе станут королевами!

Обе группы сошлись. После реверансов, цветистых приветствий и еще более цветистых комплиментов, диктуемых нравами эпохи, Мадемуазель стала вышучивать Бофора за его роль сторожа при племянницах, а Фуке отвел в сторону Сильви.

– Я узнал от своего брата, что вам стали досаждают. Этого нельзя стерпеть! Кажется, речь идет о человеке, выдающем себя за незаконнорожденного сына вашего покойного тестя-маршала?

– Именно так. Он якобы располагает подписанным маршалом обещанием жениться на его матери... Все это так запутанно, мой друг, а у вас и без того столько забот...

– Пустое! Ради вас я готов на все. Завтра же повстречаюсь с шевалье де Рагнелем и договорюсь с ним о необходимых мерах. Вашего недруга придется выуживать из парижских низов, поэтому я призыву на помощь верного человека – удивительного юношу, обладающего нюхом ищейки и уже оказывавшего мне ценные услуги. Его зовут Франсуа Дегре.

– Я совсем не уверена, что он принадлежит к низам. Он обладает некоторым достоинством, к тому же я дала ему денег...

– Все равно мы перво-наперво займемся притонами. А вы, – Фуке поднес к губам руку Сильви, полуприкрытую кружевами, – должны отдыхать. Предоставьте вашим друзьям поиски субъекта, у которого нет права приближаться к вам даже на лье...

Он мельком глянул на слуг, подтащивших кресло с Мазарини к сцене.

– Вскоре у меня будет почти неограниченная власть. Можете на меня рассчитывать.

Сказав так, Фуке поспешил к королю, появившемуся в зале в окружении блестящих молодых людей. Сильви присела в глубоком реверансе, после чего подошла к группе, состоявшей из Мадемуазель, Бофора и трех девушек, и обнаружила, что сестер Немур трясет от волнения: только что они разглядели своего идола Пеглена и уже готовились, пренебрегая приличиями, броситься к нему. Но Бофор воспротивился этому.

– Либо вы успокоитесь, либо лишитесь моего покровительства! – проворчал он. – Не заставляйте меня сожалеть, что я взял вас на комедию вместо того, чтобы оставить у постели вашей матушки.

– Разве госпожа де Немур хворает? – спросила Мадемуазель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.